

РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

5 | 2007

**Андрей ДЕМИДОВ:
«МОИ ПРИНЦИПЫ – ЧЕСТНОСТЬ,
ПОРЯДОЧНОСТЬ, ДОБРОТА, ОТКРЫТОСТЬ»**
стр. 38-39

**Судьба дала мне
шанс**
стр. 4-9

**Спор во француз-
ском суде**
стр. 16-19

Крепкий орешек
стр. 30-32

НАГРАДЫ – ЛУЧШИМ!

В очередной раз Колонный зал Дома союзов встречал представителей адвокатского сообщества. Здесь состоялась торжественная церемония награждения высшими адвокатскими наградами.

Орден «За верность адвокатскому долгу» и Золотую медаль имени Ф. Н. Плевако в 2007 году вручали президенты Федеральной палаты адвокатов РФ Евгений Семеняко, Федерального союза адвокатов России Алексей Галоганов и Гильдии российских адвокатов Гасан Мирзоев. После завершения торжеств состоялся концерт и приём в честь награжденных.

Фоторепортаж Яны БОЧАРОВОЙ и Виталия АЛТАБАЕВА

Слова благодарности адвоката Элеоноры Шингаревой ▲▲
Награду получает адвокат Елизавета Носкова ▲
Зрительный зал ▶
Лауреаты адвокатских наград ▼

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Е.В. СЕМЕНЯКО**, председатель редакционного совета, президент Федеральной палаты адвокатов РФ
Г.Б. МИРЗОЕВ, первый заместитель председателя редакционного совета, президент Гильдии российских адвокатов
А.П. ГАЛОГАНОВ, заместитель председателя редакционного совета, президент Федерального союза адвокатов России
В.Ф. АНИСИМОВ, представитель Совета-вице-президент ФПА в Уральском федеральном округе
О.Т. АНКУДИНОВ, начальник управления Генеральной прокуратуры РФ
Д.П. БАРАНОВ, президент Адвокатской палаты Ростовской области
Т.Д. БУТОВЧЕНКО, президент Адвокатской палаты Самарской области
В.В. ВИТРЯНСКИЙ, заместитель председателя Высшего арбитражного суда РФ
Г.А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ, президент Международного союза адвокатов
А.Н. ДЕНИСОВА, президент Адвокатской палаты Ленинградской области
Л.М. ДМИТРИЕВСКАЯ, президент Адвокатской палаты Республики Татарстан
В.С. ИГОНИН, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов
В.В. КАЛИТВИН, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
Н.Н. КЛЁН, председатель президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов
Ю.А. КОСТАНОВ, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов
П.В. КРАШЕНИННИКОВ, председатель Комитета Государственной думы РФ по законодательству
М.В. КРОТОВ, полномочный представитель Президента России в Конституционном суде РФ
О.Е. КУТАФИН, ректор Московской государственной юридической академии
В.Г. КУШНАРЕВ, президент Адвокатской палаты Хабаровского края
Ю.С. ПИЛИПЕНКО, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
В.Н. ПЛИГИН, председатель Комитета Государственной думы РФ по конституционному законодательству и госстроительству
В.И. РАДЧЕНКО, первый заместитель председателя Верховного суда РФ
Г. М. РЕЗНИК, президент Адвокатской палаты г. Москвы
Н.Д. РОГАЧЕВ, президент Адвокатской палаты Нижегородской области
В.Г. СТРЕКОЗОВ, заместитель председателя Конституционного суда РФ
Ю.Я. ЧАЙКА, Генеральный прокурор РФ
В.П. ЧЕХОВ, президент Адвокатской палаты Краснодарского края
Г.К. ШАРОВ, член Совета Федеральной палаты адвокатов РФ
С.В. ЯСТРЖЕМБСКИЙ, помощник Президента РФ

Главный редактор **Р.А. ЗВЯГЕЛЬСКИЙ**

Журнал основан в апреле 1995 г.
Гильдией российских адвокатов.

Выходит один раз в два месяца.

Зарегистрирован Комитетом РФ по печати.
Свидетельство № 013485.

Адрес редакции:
105120, Москва,
М. Полупрославский пер., 3/5
Тел.: (495) 917-7546
Факс: (495) 917-0136
Наш адрес в Internet:
<http://gra.ltsa.ru/>
E-mail: rosadv@bk.ru

Типография «Финтрек»
Тел./факс: (495) 510-3444, 424-6464
www.fintrek.ru

При перепечатке ссылка на журнал
«Российский адвокат» обязательна.

Тираж 10 000 экз.

В НОМЕРЕ:

5 | 2007

Наши обложки:
член Адвокатской палаты
Москвы Андрей Демидов

«Судьба дала мне шанс»	4
Ф. Бурлацкий	
...И чтить закон обязан	10
Е. Курилёнов	
...А проблемы остались	14
Г. Мирзоев	
Спор во французском суде	16
М. Богуславский	
Отправляйся, конкурент, на нары	26
Е. Баскакова	
Третейский суд как «скорая помощь»	28
Р. Крутлов	
Крепкий орешек	30
В. Бова	
Демидовский вариант	38
В. Рязанцев	
И в тундре живут не ангелы	44
Н. Рочева	

● НЕ В ПРОТИВОВЕС АДВОКАТАМ

В Федеральной палате адвокатов РФ состоялась встреча президента ФПА Евгения Семеняко, вице-президента Юрия Пилипенко, руководителя Управления по адвокатуре и адвокатской деятельности ФПА Юрия Самкова с начальником Управления по контролю в сфере адвокатуры и нотариата Федеральной регистрационной службы Оксаной Сарайкиной.

Главной темой обсуждения стали вопросы взаимодействия двух органов управления, представляющих, с одной стороны, интересы государства, с другой – адвокатского сообщества, в решении общей задачи обеспечения доступа граждан к правосудию и оказания им квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатно в случаях, установленных законодательством.

Как сообщила О. Сарайкина, их управлением подготовлены предложения по совершенствованию системы оказания бесплатной юрпомощи. Предварительные итоги проводимого Минюстом эксперимента показали: государственные юридические бюро могут быть только частью единой государственной системы оказа-

ния бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам. Другими ее составляющими должны в полном объеме стать адвокаты и органы власти субъектов РФ.

По мнению разработчиков предложенной концепции, госюрбюро создаются и действуют не в противовес адвокатам, не преследуют цели вытеснить их из сферы оказания гражданам юридической помощи. Они должны работать параллельно. При этом нормативно-правовое регулирование и финансирование госюрбюро должно осуществляться на федеральном уровне, а адвокатской деятельности по оказанию бесплатной помощи – субъектами РФ.

На встрече были детально обсуждены вопросы оплаты труда адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь. Для реализации концепции стороны единодушно пришли к необходимости

внесения поправок в соответствующие федеральные законы.

Для повышения эффективности взаимодействия ФПА и Росрегистрации было высказано предложение об организации межведомственного совещания или координационного совета, в работе которого могли бы принимать участие как представители региональных адвокатских палат, так и территориальных органов ФРС.

Фото пресс-службы ФПА

● РАСШИРЯЕМ БЕСПЛАТНУЮ ПОМОЩЬ

Как известно, проводимый Министерством юстиции РФ эксперимент по созданию в регионах государственных юридических бюро вызывает обоснованную критику адвокатского корпуса. Главным образом из-за того, что круг людей, кому государство предоставило право на бесплатную правовую помощь, весьма ограничен. Адвокаты Республики Марий Эл тоже оказывают юридическую помощь бесплатно, и не только в случаях, предусмотренных законом об адвокатуре. Уже три года они безвозмездно консультируют пенсионеров и инвалидов всех категорий, независимо от материального положения, возраста и причин утраты трудоспособности.

В июне 2007 года между аппаратом полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федераль-

ном округе и Адвокатской палатой Республики Марий Эл было подписано соглашение о взаимодействии и сотрудничестве. В соответствии с этим документом на базе региональной общественной приемной в Йошкар-Оле официально создан адвокатский пункт оказания бесплатной правовой помощи населению, первоочередная задача которого – предоставить возможность каждому жителю республики, прежде всего людям с невысокими доходами, получать юридические консультации по гражданскому, семейному, трудовому и пенсионному законодательству.

По инициативе полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе А. Коновалова аналогичные пункты будут организованы во всех регионах округа.

● РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО КВОТЕ

На очередном заседании Совета Адвокатской палаты Приморского края обсуждали назревший конфликт между адвокатами и следователями.

Причина всему – несправедливое распределение помещений на так называемые адвокатские и следственные в СИЗО Владивостока. В частности, из 24 кабинетов всего три выделены защитникам и их доверителям, остальные заперты на замок. На свои вопросы адвокаты получают невнятные объяснения, мол, в комнатах не

сделаны застекленные проемы, через которые можно было бы наблюдать за ходом их общения с подзащитными. Ситуация с дефицитом помещений для адвокатов усугубляется необходимостью делить эти три кабинета с общественными защитниками. Такие конкуренты, порой даже не имеющие юридического образования, не столько оказывают помощь, сколько затягивают очередь.

Отвечая на вопрос вице-президента Адвокатской палаты Приморского края Евгения Суховерхова,

почему так происходит, руководство СИЗО Владивостока сослалось на инструкцию, согласно которой адвокатам отводится 10 процентов (2 – 4 кабинета) от имеющихся в наличии помещений. Однако такой документ адвокатам не показали.

Выходит, что норма УПК РФ, регламентирующая равенство сторон в уголовном судопроизводстве, лишь формальность... Но приморские адвокаты намерены отстаивать свои права любыми законными средствами.

● **НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ**

Распоряжением президента Федеральной палаты адвокатов РФ Евгения Семеняко при ФПА и Российской академии адвокатуры организован Экспертно-методический центр. Его руководителем назначен заместитель президента ФПА, ректор РАА, доктор юридических наук, профессор Гасан Мирзоев.

АЛЬТЕРНАТИВА СУДУ ЕСТЬ... ●

В Вологде прошла международная практическая конференция по теме «Альтернативные способы разрешения споров в России и США».

В мероприятии участвовали российские и американские юристы: адвокаты, судьи, научные работники, а также посредники-медиаторы, занимающиеся внесудебными спорами. Ими обсуждались различные способы разрешения споров в судебном и досудебном порядке, в том числе с участием медиаторов. Такая процедура успешно действует в США и Европе, а в России она только зарождается и законом не предусмотрена.

Как показывает практика зарубежных коллег, помощь медиатора избавляет клиентов от значительных судебных расходов, снижает психологическую нагрузку,

связанную с прохождением судебных процедур, и существенно экономит время. На конференции отмечалось, что медиация (посредничество) возможна не только при разрешении конфликтов между гражданами и юридическими лицами в гражданских правоотношениях, но и в спорах административного характера.

В рамках конференции профессор юридической школы имени Ф. Пирса, медиатор Питер Вульф, адвокаты Милинда Грейс и Эстер Тарди Вульф провели практические занятия-тренинги, где можно было попробовать себя в роли медиатора, а затем обсудить результат с коллегами. Наглядно увидев сильные стороны посредничества, отечественные юристы выразили надежду на появление в России института посредников-медиаторов, основанного на законодательстве.

● **ЮБИЛЕЙ СПЕЦАДВОКАТУРЫ**

В «Президент-отеле» состоялось празднование 60-летия Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва). На юбилейное торжество съехались представители почти всех 95 филиалов МРКА из разных регионов, руководители адвокатских образований, представители Госдумы, Правительства РФ, органов прокуратуры, судейского корпуса, общественных организаций.

Собравшиеся вспоминали историю МРКА, как специализированной адвокатуры, от ее зарождения до сегодняшнего дня. В адрес руководителя коллегии Николая Клёна и его коллег было сказано немало теплых слов благодарности за их нелегкий труд, отзывчивость, профессионализм. По мнению гостей, Межреспубликанская коллегия адвокатов внесла весомый вклад в развитие отечественной адвокатуры. Помимо многочисленных наград, грамот, подарков и цветов, Николай Наумович получил медаль «За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени. Ее вручили вице-президенты Федеральной палаты адвокатов РФ Юрий Пилипенко и Алексей Галоганов.

Николай Клён вручает грамоту адвокату Нине Оксюк ▲
 Фото Яны Бочаровой

● **«МИСС АДВОКАТУРА-2007» ●**

Более двух месяцев самые красивые девушки Адвокатской палаты Нижегородской области готовились к конкурсу «Мисс адвокатура-2007».

Конкурсантки посещали занятия по хореографии и брали уроки у профессиональной модели. Инициативу проведения мероприятия и все хлопоты по его организации взял на себя совет молодых адвокатов. Поздравить красавиц приехал вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ Юрий Пилипенко, вошедший в состав жюри.

Победительницей конкурса стала стажер адвокатской конторы № 14 Наталья Кавакина. Второе и третье места разделили соответственно стажеры Мария Корсакова и Татьяна Кузьмина.

Мария Корсакова, Наталья Кавакина, Татьяна Кузьмина (слева направо) ▼

Федор БУРЛАЦКИЙ:

«Судьба дала мне шанс»

Беседа главного редактора журнала «Российский адвокат» Р. А. Звягельского с известным политологом, ученым и писателем Ф. М. Бурлацким

Недавно побывали с женой в Иерусалиме. У Стены Плача старый раввин рассказал, что в десяти километрах отсюда, западнее святого города, расположено старинное поселение – Курьят-Яарим, где, по преданию, есть ковчег, в котором хранятся каменные доски с выбитыми десятью заповедями Божьими: не убий, не укради, возлюби ближнего...

– Дело прошлое, признайся, среди журналистской братии давно ходили упорные слухи, будто те Божественные заповеди с твоей подачи вошли в забытый сегодня Моральный кодекс строителя коммунизма?

– Совершенно верно. Дело было в Подмоскowie, на бывшей даче Горького. Шел 1961 год. С группой консультантов ЦК КПСС я работал над программой партии – с начала и до конца. Нашей группой руководил секретарь ЦК Борис Николаевич Пономарев, а непосредственную работу осуществлял его зам – Елизар Ильич Кусков, прекрасной души человек, остро пишущий и тонко чувствующий слово журналист.

Как-то утром, после крепкой вечерней пьянки, мы сидели в беседке и чаевничали. Елизар мне и говорит:

– Знаешь, Федор, позвонил «наш» (так он звал Пономарева) и говорит: «Никита Сергеевич Хрущев просмотрел все, что вы написали, и советует быстро придумать моральный кодекс коммунистов. Желательно в течение трех часов его переправить в Москву».

И мы стали фантазировать. Один говорит «мир», другой – «свобода», третий – «солидарность»... Я сказал, что нужно исходить не только из коммунистических постулатов, но и также из заповедей Моисея, Христа, тогда всё действительно «ляжет» на общественное сознание. Это был сознательный акт включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов.

Буквально часа за полтора мы сочинили такой текст, который в Президиуме ЦК прошел на «ура».

– **Насколько я помню, в той Программе КПСС, которую озвучил Никита Сергеевич Хрущев, было записано: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Значит, чудо должно было произойти в 1980 году. Правда, другой наш великий соотечественник Некрасов сказал: «Только жить в эту пору прекрасную уж не**

придется ни мне, ни тебе». Чем же вы руководствовались, когда подкладывали Хрущеву в доклад такую свинью: «...будет жить при коммунизме»?

– Помнится, к нам приехал председатель Госплана Засядько. Он сказал:

– Есть указание Никиты Сергеевича включить в программу идею о том, что мы по самым важным жизненным показателям догоним и перегоним Америку к 80-му году.

Присутствующие экономисты и мы стали говорить, что это совершенно нереально, к тому же непрограммное толкование, непросчитанное... Тогда он открыл папку, в которой лежала бумага с резолюцией «Включить в программу. Н. Хрущев».

Как ты понимаешь, после этого вся дискуссия закончилась.

Дело прошлое, и, оглядываясь назад, могу сказать, в силу рано пробудившихся во мне социал-демократических убеждений в ту программу я заложил две, на

мой взгляд, очень важные вещи, которыми могу гордиться. Первое: отмена диктатуры пролетариата и замена ее на общенародное государство и советскую демократию. Потом это стало предметом острейшей борьбы. Когда сняли Хрущева, на меня обрушился секретарь ЦК К. Шелепин, и на Политбюро, уже при Брежнев, назвал меня «ярким крамольником, который выбросил главное в марксизме». Второе: отказ от коммунистического строительства. В 65-м я опубликовал статью «О строительстве развитого социалистического общества», где определил пути перехода к более свободной экономике, отказу партии от руководства ею, развития демократии и строительства советской парламентской системы.

После этого уже никто и никогда не писал о коммунистическом строительстве. Правда, мой друг Юрий Арбатов, которого я в свое время взял в ЦК, включил в один из докладов Брежнева фразу, что мы построили развитой социализм, тем самым смазав идею экономических и политических реформ.

Кстати, во времена Хрущева родилась идея, которая тоже исходила от нас. О строительстве президентско-парламентской республики. В записке, подготовленной для ЦК, мы излагали, что необходимо всенародно избирать президента, образовать парламент, организовать Верховный суд и суд присяжных.

Хрущев, толком не разобравшись в этой записке, изрек: «Тут какие-то мальчишки хотят снять меня с поста Председателя Совмина – не выйдет!»

– Если мне не отказывает память, тогда готовилось принятие новой Конституции?

– Совершенно верно. Как раз в тот период и состоялся октябрьский пленум. Мы все находились на той же горьковской даче и лихорадочно готовили записку о проекте новой Конституции, и вдруг – тишина. Никто не звонит. День, два... Кусков и говорит:

– Федор, поезжай-ка на разведку и узнай, что там происходит, почему не звонит Пономарев.

Я пришел на Старую площадь, поднялся на свой третий этаж, где я руководил группой консультантов в отделе секретаря ЦК Юрия Владимировича Андропова. В коридорах – никого. Полная тишина. Заглядываю в один кабинет: люди кучкуются, шепчутся... В другой – то же самое. Это был первый день, когда только-только сняли Хрущева. Помню, когда вошел в Кремль, один деятель, заведующий сектором из отдела Шелепина, бросил мне:

– Вы, борзописцы, все пишете, пишете, а тут люди уже власть берут.

– А как ты вообще попал в «обойму» Хрущева?

– Знаешь, дорогой, это странная шутка судьбы. В 23 года я приехал из Киева и пробился в аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР. За год написал и защитил кандидатскую «Политические взгляды Добролюбова». Это все от родителей – гены, так сказать. Вот портрет моей мамы – Софьи Григорьевны. Здесь она в костюме цыганки. В таком одеянии она, восемнадцатилетняя девочка, партизанка, член Коммунистической партии Украины, ходила в разведку во вражеский тыл. У мамы была огромная коса, в кото-

рой она прятала маленький пистолет. На случай, если схватят – пуля в висок. Папа был из той же породы...

В журнал «Коммунист» я написал рецензию на книгу о Герцене. Через какое-то время меня неожиданно пригласили туда работать. Как понимаю сейчас, я был очень активен и нахален, печатался в каждом номере, и это заметили в Секретариате ЦК. На меня «положили глаз» сразу двое – Борис Николаевич Пономарев и Юрий Владимирович Андропов.

Однако дело было вовсе не в моих талантах. «Вожди», которые остались от Сталина, остро чувствовали свою недостаточность. Они понимали, им нужны молодые образованные помощники, которые сумеют вывести их из сталинской системы в какую-то иную, о которой они не имели ни малейшего представления. Поэтому меня, как кандидата наук, Андропов и пригласил в ЦК консультантом. Вскоре я стал заведующим группой консультантов. Привел туда Бовина, Шахназарова, Арбатова. Через какое-то время Хрущев предложил быть спичрайтером во время зарубежных поездок.

Представь: Болгария, Варна. Банкет на самом высоком уровне. С одной стороны за столом сидят Никита Сергеевич, Тодор Живков, крупные болгарские руководители, с другой – «обслуга»: советские и болгарские помощники. Поднимается Хрущев и начинает произносить речь. Сначала о дружбе, а потом неожиданно переходит к рассказу, как брали Берия, что он пережил в тот момент. Никита Сергеевич говорил больше часа, и рюмка в его руках все время дрожала, так он волновался. Я сидел напротив него. Смотрел и думал: «Прямо-таки политический театр! Сюда бы сейчас Олега Ефремова».

Хрущев заметил, как я его сосредоточенно слушаю, и продолжил рассказывать, уже глядя мне в глаза.

Утром меня пригласил его помощник Лебедев.

– Пойдем, Никита Сергеевич хочет с тобой познакомиться. Говорит: там напротив меня какой-то молодой болгарин сидел – приведи.

Приходим. Хрущев – сама любезность.

– Здравствуйте, дорогой!

– Добрый день, Никита Сергеевич!

– Вы так внимательно меня слушали. Спасибо.

– Мне было очень интересно.

– Так вы еще и по-русски говорите?

– Да, Никита Сергеевич, с детства.

– Как, а я тебя за болгарина принял.

Потом на протяжении всей поездки он поворачивался ко мне и вертел пальцем у своего виска, дескать, какой он дурак.

– Юрий Владимирович Андропов. Что оставил в памяти этот человек?

– Непосредственно к нему меня привел его заместитель Лев Николаевич Толкунов, впоследствии главный редактор «Известий». В свое время нас соединял один коридор: он в «Правде», я – в «Коммунисте». Вместе играли в настольный теннис.

Я вошел в кабинет и увидел высокого, в синем костюме человека, с огромным лбом, большим носом, пухлыми губами и очень красивыми, пронзительными голубыми глазами.

– Что бы вы сказали, если вам будет предложено перейти на работу в ЦК?

– Юрий Владимирович! Я очень люблю писать, а не отсиживать «от» и «до».

– Чего другого, а писать здесь хватит сверх головы.

В конце короткого разговора он произнес:

– Надеюсь, мы понравились друг другу?

На протяжении пяти лет совместной работы он только один раз, в самом начале, сделал мне замечание. Это был очень яркий человек, хотя и без высшего образования. У него на столе всегда лежала огромная кипа книг. Когда однажды Саша Бовин об этом спросил, он ответил:

– Чтобы говорить с вами на одном языке.

– А что плохого, что есть фермы, а не колхозы? Видите, как преуспевают! Это не противоречит социализму.

В тот момент я пристально посмотрел на Андропова. Юрий Владимирович что-то помечал в блокноте. Почувствовав мой взгляд, поднял голову, посмотрел на меня и помахал пальцем. На его лице было написано: «Радуюсь, реванш берешь?».

– Несколько дней назад смотрел телепередачу, там демонстрировалось личное дело твоего бывшего патрона, хранившееся в спецхране. Во всеуслышание было заявлено, что никакой он не Андропов, а что-то вроде Фекельштейна. Не долетали до тебя в то время слухи о его иудейском происхождении?

– Вначале – о политическом. За Андроповым тянулся «хвост» человека, который якобы предал своего друга – руководителя крупной партийной организации. Не помню, кто был первым секретарем Карело-Финского обкома партии, но точно знаю, вторым был Андропов. Якобы они оба «попали под колеса». Первого секретаря сослали, а Юрий Владимирович каким-то образом выскользнул. И за ним остался этот самый «хвост». Один раз в стенах ЦК я об этом услышал, и меня крепко резануло по сердцу. Рассказывали, будто через какое-то время вернулся из Сибири бывший первый секретарь и пришел к Андропову. Имел с ним очень тяжелые объяснения, и будто бы Андропов очень извинялся...

Со старым товарищем Женей Примаковым ▲

– Так почему первый блин оказался комом?

– Как-то вернулся из Югославии, и поскольку всегда был настроен чудовищно против нашего чиновничества, да и Сталин мне никогда не импонировал, поскольку моя мама его ненавидела, а преклонялась перед Лениным, я написал для «Коммуниста» довольно восторженную статью о югославском социализме. Рассказал, что у них нет колхозов, а есть фермерские хозяйства. Строительные организации делают то, что хотят... Одним словом, обобщил югославский опыт. Все это произошло накануне моего перехода в ЦК.

Прознав об этом, один «доброжелатель» тут же отнес Андропову черновики моей «крамольной» статьи.

Андропов в это время тяжело болел. Но, оказавшись в больнице, не поленился и прочитал мой материал. В письме ко мне он сделал разбор статьи, объясняя, почему не можем распространить югославский опыт: «Статья написана с ошибочных позиций, посему не может быть опубликованной».

Правда, через какое-то время мы вместе с ним сопровождали Хрущева в поездке по Югославии, и во время пребывания на одной свиноферме Никита Сергеевич сказал:

Теперь о его происхождении. В те времена говорили, что он был взят на воспитание еврейской семьей, приемный. Я до сих пор убежден: так оно и было. Почему? Фамилия – Андропов. Откуда она взялась? Очень многие выходцы из Греции носили такую фамилию. У Юрия Владимировича была античная внешность. Я всегда интуитивно верил, что кто-нибудь из его предков был царем на маленьком острове, так он был значителен, особенно на фоне Подгорного, Шелеста, Кириленко... Андропов – прирожденный аристократ, и ничего плохого не было бы, если бы он происходил из евреев. Что здесь такого? И в жилах Ленина текла еврейская кровь семейства Бланк, не говоря уж о членах Политбюро ленинского призыва. В Андропове подкупала высочайшая образованность, воспитанность, интеллигентность... Он мог произнести часовую речь без бумажек, острую, политическую, с глубочайшим анализом.

Посему мне непонятно, кого хотели скомпрометировать той передачей.

Расскажу тебе интереснейшую историю. В Доме творчества «Малеевка» в 60-х годах, после того как меня выперли из «Правды», я отдыхал с Мариэттой

Шагинян, известной всем как автор книг о семье Ульяновых. Там-то и прошел слух, будто она прячет у себя в матрасе страшно крамольную бумагу – копию заявления госпожи Бланк с просьбой о зачислении ее дочери в Институт благородных девиц – в Смольный. И резолюция директора: «Лиц иудейского происхождения – не принимать».

Мариэтта Сергеевна рассказала об этом секретарю ЦК Поспелову. Показала подлинный документ, найденный в архиве, от чего маленького росточка Петр Николаевич стал бегать, как безумный, по кабинету, хвататься за голову и кричать:

– Нам еще этого не хватало!

Только-только развенчали культ личности Сталина. Вот Поспелов и подумал: «Мало, что Иосифа Виссарионовича свергли, так еще на Ленина бросаем тень».

– Ты как-то всуе произнес: «Когда меня выперли из «Правды». Что произошло?»

– Это было в июне-июле 1967 года. Я решил, что пришла пора уходить со Старой площади и попросил о переводе в «Правду». Для меня ввели специальную должность – политический обозреватель ЦК. Это была работа по мне и доставляла сплошное блаженство. Я был очень привержен к эзоповскому языку: два пишем, один в уме. После поездки в Испанию у меня вышла серия статей под заголовками: «Эрозия личной власти», «Кризис тоталитаризма», «Культ одной личности». Я как бы писал об Испании, но внимательный читатель понимал, речь идет о нас.

Короче, играл в эту игру и заигрался. Мой друг и член редколлегии «Правды» Лен Карпинский собрал как-то в редакции режиссеров театров и пригласил меня на эту встречу. Общий лейтмотив – работать невозможно: Министерство культуры во главе с Фурцевой просто берет за горло, нужно что-то делать – цензура задавила.

По этому поводу мы с Леном написали статью и принесли главному редактору «Правды» Михаилу Васильевичу Зимянину. Он прочитал ее и изрек:

– Наверное, все это – правда, но публиковать не будем.

И тогда Лен Карпинский отнес материал в «Комсомольскую правду», где главным редактором был Борис Панкин. Первоначально наша статья называлась «О сенсациях подлинных и мнимых», потом заголовок смягчили – «На пути к премьере».

Я уехал в отпуск, но, находясь на юге, чувствовал себя беспокойно, понимал: наша принципиальная позиция, правдолюбство просто так нам не пройдут. Мы обязательно будем биты, и довольно крепко. Но желание рассказать об острейших проблемах, с которыми столкнулись наши театры, победило.

Наша статья вышла в свет, а на следующий день в той же «Комсомолке» появился большой разгромный материал, где главная молодежная газета страны прилюдно извинялась, что недоглядела, не поняла, допустила непростительную ошибку, опубликовав статью Бурлацкого и Карпинского. «Комсомолка» клялась в любви и преданности родной партии.

То заседание редколлегии «Правды» никогда не за-

буду. Почти все выступавшие говорили о политической близорукости, недалекости, так и стремились ткнуть нас во что-нибудь носом. Только два человека поддержали: ответственный секретарь Воронов и редактор отдела литературы Куницын. Последний сказал:

– Что, 1937 год возвращается?

Мы с Леном втайне надеялись, что в итоге все закончится строгим выговором по партийной линии, но ошиблись. В момент обсуждения Зимянина вызвали к «вертушке», и он отсутствовал почти час. Можно было только догадываться, что его «накачивали» по нашему вопросу. Скорее всего – помощник Брежнева.

Он вернулся сникший, с посереженным лицом. Стал что-то судорожно говорить, а потом в конце:

– За допущенную политическую ошибку Бурлацкого и Карпинского снять с занимаемых постов и уволить из газеты «Правда».

Все были ошарашены. Я от потрясения чуть со стула не упал, хотя и отличался довольно крепкими нервами. Ленчик же держался лучше: бывший секретарь ЦК комсомола тяготился, не дорожил местом редактора отдела.

Потом неприятности продолжились. Меня хотели исключить из партии. Завели дело, пригласили в КПК... И тогда я, впервые за много лет, обратился к Андропову за помощью. Он позвонил кому надо, и дело прикрыли.

– Чем ты занимался «в отставке»?

– Работал рядовым научным сотрудником в Академии наук. Меня не печатали ни в одной газете, естественно, не давали эфира на телевидении, не выпускали за границу. Зато появилось время, и я написал три лучшие свои книги. Среди них – «Загадка Макиавелли». Она как бы о тех далеких временах, а на самом деле о культе личности, о режиме личной власти и судьбе мыслящего интеллигента.

Другая – «Вожди и советники» – о моей работе в ЦК партии. Собственно, о его руководстве: Хрущеве, Андропове, Брежневе... Я надиктовал ее за 12 дней, объемом 25 печатных листов.

Когда рукопись была готова, показал ее работнику ЦК Валентину Александрову. Прочитав, он посоветовал запрятать ее поглубже в сейф.

– Федор, никому не показывай – посадят.

В книге я рассказал о тех непростых и далеко не искренних отношениях, которые складывались между сотрудниками аппарата ЦК, и, конечно, о конкретных людях. В частности, очень подробно о своих встречах с Брежневым. Как только он пришел к руководству страной, меня к нему «подсунул» Андропов. Я возглавил группу подготовки первого крупного доклада Леонида Ильича к 20-летию Победы. Вот там-то мы и склепнулись с группой Шелепина.

Тогда мой кабинет находился рядом с кабинетом Генерального секретаря ЦК КПСС. Как-то ко мне зашел Леонид Ильич и протянул кипу листов.

– Федор, посмотрите, тут Шурик (так в ЦК называли Шелепина) прислал какую-то диссертацию. (Это был параллельный текст доклада, и Шелепин тем самым пытался перехватить подготовку к руководству этим большим событием.)

Я изучил материал и написал записку на имя Брежнева, где указал: это полный возврат к сталинизму, к холодной войне.

Брежнев не очень любил читать всякие бумаги, в основном слушал. Как только получил докладную, снова зашел к мне.

Я стал излагать все 17 пунктов своих замечаний. По ходу моих рассуждений видел, как вытягивалось его лицо, соловели глаза, и даже челюсть откинулась. Мне показалось, что из моей интеллигентной речи он ничего не ухватил, и все сказанное – за пределами его политической культуры. Но, как потом оказалось, это была игра.

– Федор, я не по этой части, я больше насчет организации и психологии.

Только позже я понял, насколько это был очень тонкий знаток человеческих отношений. Он так прекрасно решал кадровые вопросы, как никто ни до него, ни после. Утро начинал с того, что в течение двух часов обзванивал всех первых секретарей обкомов.

– Иван Иванович! Хочу с тобой посоветоваться. На Политбюро выносим вопрос... Мне очень важно твое мнение...

– Леонид Ильич! Вы абсолютно правы. Только в таком ключе нужно решать проблему.

У каждого из них создавалась иллюзия своей значимости и нужности.

Или взять заседание Политбюро. В отличие от Хрущева, который, захлебываясь, обычно говорил первым, прямо строчил из пулемета, все остальные ставились перед фактом: решение сформировано и возражать нельзя. Леонид Ильич всегда выступал только в заключение. И если даже один член Политбюро возражал, он говорил:

– Этот вопрос нужно отложить. Посоветоваться и снять сомнения, а потом снова рассмотреть на заседании.

Он был великий мастер человеческих отношений, которому мог позавидовать любой западный лидер.

– А как сложилась судьба Шелепина, бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ, бывшего председателя КГБ СССР?

– Вот здесь-то и проявилась дальновзорность и потрясающая интуиция Брежнева. Он знал, существует заговор, и мастерски убирал из Политбюро ненадежных людей: Шелеста, Подгорного, Кириленко... Были – и нет, и никаких конфликтов. «Ушли по собственному желанию».

О том, что инициатором заговора был Александр Шелепин, я впервые узнал после октябрьского пленума, когда готовил вместе с Кусковым доклад Петра Демичева. Он нам откровенно рассказывал, что Шелепин собирал основную группу в Лужниках во время футбольных состязаний, когда трудно что-то подслушать, и договаривался о всех тактических шагах, как брать власть.

Брежнев переиграл Шелепина. Сначала сделал его председателем ВЦСПС, а потом отправил в командировку в Англию. И здесь, как мне думается, свою роль сыграл Андропов. Был такой журналист, который выступал под фамилией Луи, работал на КГБ. В англий-

ской «Таймс» он опубликовал статью, приуроченную как раз к приезду Шелепина в Лондон. Там рассказывалось, что Шелепин ярый сталинист, человек, который участвовал в арестах и до сих пор не успокоился, рвется к власти... Естественно, статья сыграла свою роль, и на берегу туманного Альбиона Шурика встретили очень холодно.

Когда он вернулся в Москву, мне рассказывал помощник Брежнева Александров, Леонид Ильич пригласил его к себе.

– Видишь, Александр Николаевич, как сложилась вокруг тебя обстановка. Трудно тебе после такой «спавы» оставаться в штабе нашей партии. Принимай решение.

Шелепину, люто ненавидевшему Брежнева, ничего не оставалось, как подать в отставку.

– Сегодня ты профессор Колумбийского, Гарвардского, Оксфордского университетов. Что интересует твоих слушателей? Вокруг чего разгораются дискуссии?

– Я никогда не читал стандартных лекций. Говорю, в основном, о двух предметах: первый – об эпохе реформации, от Хрущева до настоящего времени. Второй – об отношениях Советского Союза, потом – России, с Западом, а в первую очередь с Америкой. В свое время я написал доклад для одного из конгрессов по социологии «Всеобщий мир – утопия или реальность?». Он был опубликован в Организации Объединенных Наций, но только не в нашей стране, ибо его посчитали крамольным.

Всегда в жизни говорю то, что думаю. Может, это тоже во мне наследственное, а может, наивная вера в то, что с твоим мнением согласятся. На самом деле, все упиралось в конкретные интересы определенной группы людей. Им нужна была совсем другая модель реформ. Я же строил свои доводы далеко не на пустом месте. В Югославии встречался с Карделем, в Чехословакии – с Дубчеком, в Китае – с Дэн Сяопином, в Японии – с Охито. Обоснованно предлагал постепенные, шаг за шагом, демократические и экономические реформы, вместо того скачка, который так деформировал общество. Мы будем выбираться из этой ямы еще долгие десятилетия. В конечном счете, но с потерями все же вырлим на правильную дорогу. К несчастью, вынужден сделать прогноз: тот уровень жизни, который сейчас имеется, скажем, в Англии, Германии, Франции, нам станет доступен только во второй половине нашего века.

– Будучи народным депутатом СССР, в 1987 году ты возглавил Комиссию по правам человека, которая освободила из тюрем людей, преследуемых, как тогда трактовали, за религиозные преступления. Что за этим стояло?

– В эту международную комиссию, кроме очень ярких представителей нашей интеллигенции, входили и зарубежные деятели: жена президента США Картера, жена президента Франции Жискара д'Эстена – и очень многие общественные деятели. В Верховном Совете СССР я готовил два закона: о религиозной свободе и свободе выезда и въезда в СССР. Последний пробивал с колоссальным трудом. Специально поехал в Соеди-

ненные Штаты Америки, потому что Лукьянов и Горбачев считали, будто Америка уже не заинтересована в нашем законе, ибо боится волны эмигрантов. Я выступил на так называемом молитвенном завтраке и встретился с государственным секретарем Бейкером, попросил его передать президенту Бушу-старшему, что у нас есть беспокойство по этому поводу. Насколько мне известно, Буш позвонил Горбачеву, после чего Михаил Сергеевич дал «добро», но с условием, что закон войдет в силу лишь через год.

– Прошу тебя вернуться к первому закону – о религиозной свободе. К чему вы пришли?

– В нашу подкомиссию по правам человека входили многие религиозные деятели. Наиболее активным был митрополит Ювеналий – человек необычайно образованный и прогрессивный. Когда я был направлен руководителем делегации Верховного Совета СССР в Америку, членом делегации был владыка Алексей, будущий Патриарх всея Руси. Я выступил в конгрессе США, где рассказал, как у нас обстоит дело, в первую очередь, с религиозной свободой.

Что же касается освобождения людей из наших тюрем, инициатива исходила от Розалин Картер. Во время заседания в Гааге, где я был председателем, она передала мне список лиц, осужденных за религиозные убеждения. Я тут же дал телеграмму на имя Горбачева и предложил без пересмотра приговора освободить этих людей. Объяснил Михаилу Сергеевичу: по моему мнению, религиозных преступлений нет. Если, к примеру, человека убили на религиозной почве, то привлекать его надо совсем по другой статье.

Горбачев наложил резолюцию: «Рассмотреть и освободить».

Так свободу обрели более 400 человек.

– Передо мной сидит красивый, стройный мужчина, и даже не поворачивается язык сказать, что недавно ему стукнуло 80. Но это – факт, и от него никуда не денешься. Скажи, Федор Михайлович, оглядываясь сегодня на свой длинный путь, ты хотел бы что-нибудь изменить в своей жизни? Может, за что-то стыдно?

– Мне нечего стыдиться. Абсолютно. В жизни я не сделал ни одного дурного шага. Что касается политической жизни, сожалею об одном – дал себя «выдавить» из большой политики после прихода к власти «царя Бориса». Видимо, здесь сказались приверженность к определенным идеям, в которые свято верил и они стояли выше личной судьбы. Гайдаровские рефор-

мы я абсолютно не принял. Критиковал их, лично Бориса Николаевича, хотя, быть может, нужно было воздержаться. Не вошел ни в одну из партий, но мог бы создать свою, социал-демократическую (Алексеев, Шаталин и я). Однако не сделал этого, чтобы не мешать Горбачеву подняться над ситуацией.

С Михаилом Горбачевым мы всегда дискутируем ▲

Откровенно говоря, нужно было больше думать о себе, к примеру, я остался на общегосударственной пенсии, отказавшись от пенсии депутата Верховного Совета СССР. Почему? Считал, что таким образом выражаю протест против разгона Верховного Совета и Союза ССР. Но эта моя акция мало кем была замечена.

– И все же, твоя жизнь удалась?

– Я прожил яркую, необычную жизнь. Она, несомненно, состоялась. Но нужно считаться со временем, оно быстротечно и остановить его невозможно. Когда ты был востребован, а сейчас – не вполне даже замечаем. Из-за природной гордости я никогда не унижался и не приспособливался. На 20 книг, которые я написал, у нас в стране вышла только одна рецензия. Все остальные – на Западе. Я верил в себя больше, чем было нужно, мало считался с обстоятельствами. Но, как поет Андрей Макаревич, «не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас».

Даже все руководители нашей страны, которые были после революции, оказались несостоятельными, ибо все пошло не так, как они хотели. Совершенно искренне считаю, Путин – первый руководитель, который реально представляет, что делать со страной.

А мы на своем «этаже», конечно, мечтали, много работали, чего-то добивались. И в этом смысле у меня есть некое болезненное разочарование. Я подавляю его простым соображением: тысячи, а может, сотни тысяч достойных, талантливых людей в нашей стране не имели того шанса, что дала мне судьба. И за это я ей безмерно благодарен.

...И ЧТИТЬ ЗАКОН ОБЯЗАН

Прокуратурой Ленинского района Воронежа возбуждено уголовное дело по факту применения насилия в отношении адвоката в связи с его профессиональной деятельностью. Стоило бы посочувствовать потерпевшему, на себе испытывавшему тяготы профессии, если бы это преступление не стало логическим завершением профессионального портрета адвоката. Вырисовался он из предшествующих событий, неумолимо подводящих к заключению: вот к чему может привести несоблюдение законов адвокатом, призванным эту законность защищать.

Сергей Новохатский, о котором, в числе прочих, пойдет речь, юридически не имел права, однако занимался адвокатской деятельностью в Воронежской области. Главное в этой истории то, что драматический, но все же частный случай с не слишком законопослушным юристом отобразил большой пласт адвокатских проблем, заложенных противоречивым законодательством.

Евгения КУРИЛЁНОК,
главный редактор журнала
«Воронежский адвокат»

В ноябре 2005 года решением Совета АП Воронежской области статус адвоката С. Новохатского был прекращен в связи с нарушением им Кодекса профессиональной этики адвоката. А через месяц председателем президиума Воронежской межтерриториальной коллегии адвокатов Н. Ткачевым ему была выдана доверенность на управление и распоряжение всем имуществом и денежными средствами ее филиала в селе Петропавловка. Сам Новохатский оспаривал решение

о прекращении статуса в судебном порядке, но суд первой и кассационной инстанций жалобу не удовлетворил. А спустя всего 8 месяцев после вступления в силу решения АП Воронежской области о дисциплинарном наказании квалификационная комиссия АП Чеченской Республики вновь присвоила Новохатскому статус адвоката.

По Закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат может являться членом АП только одного субъекта РФ, сведения о нем вносятся только в один региональный реестр. И он вправе осуществлять свою деятельность лишь в одном адвокатском образовании, учрежденном в соответствии с действующим законодательством. Поэтому впоследствии Совет АП Чеченской Республики постановил все же прекратить статус адвоката Новохатского.

Вместе с тем в сентябре 2006 года решением квалификационной комиссии той же АП Чеченской Республики был присвоен статус адвоката Е. Ткачеву и В. Бондареву, постоянно проживающим в Воронежской области. Сведения о них в реестр АП Воронежской области не вносились. Таким образом, Петропавловский филиал Воронежской межтерриториальной коллегии адвокатов оказывал юридические услуги без документов, разрешающих данный вид деятельности.

В этой связи Совет АП Воронежской области проинформировал руководителя УФРС по Воронежской области С. Денисенко, УФРС согласилось, что адвокатская деятельность Е. Ткачева и В. Бондарева на постоянной основе в Воронежской области противоречит требованиям закона об адвокатуре. Как выяснилось позже, уже не Воронежская межтерриториальная, а коллегия адвокатов Чеченской Республики «Низам» открыла в селе Петропавловка свой филиал, заведующим которым назначила С. Новохатского, и где стали осуществлять свою деятельность Е. Ткачев и В. Бондарев.

Тогда Совет АП Воронежской области изложил свою позицию председателю Петропавловского райсуда А. Нестругину, опираясь на нормы действующего законодательства. Сведения об адвокатах, работающих в филиале адвокатского образования, вносятся в региональный реестр субъекта РФ, на территории которого он создан. Сведения об учрежденном и зарегистрированном филиале должны быть включены в реестр адвокатских образований того субъекта РФ, на территории которого он действует. Ведение реестра адвокатских образований — прерогатива совета АП субъекта РФ. Поскольку руководством коллегии адвокатов Чеченской Республики «Низам» нарушен был порядок уведомления АП Воронежской области о создании на ее территории филиала, вносить сведения о нем в региональный реестр адвокатских образований Совет АП Воронежской области отказался. Естественно, не были зафиксированы в реестре и сведения о присвоении статуса адвоката С. Новохатскому, Е. Ткачеву и В. Бондареву.

В апреле 2007 года в Воронеже было совершено нападение на С. Новохатского. Прокуратура возбудила уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 4 статьи 296 УК РФ. Как выяснилось, постановлением мирового суда Ленинского района Воронежа некоего И. Канищева признали виновным в управлении транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, лишили его права управления транспортными

Рис. Софьи Вестуженой

средствами на полтора года. Желая оспорить решение суда, Канищев заключил соглашение с юристом Новохатским на представление в суде его интересов. Адвокат подготовил и направил в Воронежский областной суд жалобу с требованием об отмене постановления и прекращении производства по делу. Но решение мирового суда было оставлено в силе. Тогда Канищев явился в офис к Новохатскому и выразил недовольство исполнением адвокатом своих профессиональных обязанностей. А двое пришедших с ним неизвестных нанесли Новохатскому ножевые ранения и скрылись с места преступления...

НЕ ЗАПРЕЩЕНО – ЗНАЧИТ РАЗРЕШЕНО

Николай ТКАЧЕВ,
 вице-президент Гильдии российских адвокатов,
 председатель президиума Воронежской
 межтерриториальной коллегии адвокатов

Нынешняя адвокатура – это кривое зеркало адвокатуры присяжных поверенных. Та адвокатура, которая была создана при царе Александре II в 1864 году, была более независима и более действенна, чем современная. Плевако, Александров, Андриевский, Спасович, Коробчевский, которых называли «говорящими писателями», не чета нашим современникам. При нынешнем законе таких адвокатов быть не может, потому что сейчас дела стали решать не законы, а деньги. Принципы, заложенные в современной адвокатуре, не позволяют развиваться профессионалам. Такое положение дел уже привело к негласной установке – не брать адвокатов в судьи.

Большинство думающих адвокатов считают, что закон об адвокатуре несовершенен. Скажу больше: в том виде, в котором он существует сейчас, с расплывчатыми формулировками и внутренними противоречиями, вообще не нужен, он противоречит Конституции РФ. Ведь закон прямо запрещает осуществлять адвокатскую деятельность без вступления в региональную адвокатскую палату, в то время как в пункте 2 статьи 30 Конституции РФ прямо сказано: «Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем».

Что касается «дела» Новохатского, я против практики получения нашими земляками адвокатского статуса в Чечне, однако и это тоже следствие несовершенства законодательства.

В ОБХОД ЗАКОНА

Владимир КАЛИТВИН,
 президент Адвокатской палаты Воронежской области,
 вице-президент ФПА РФ

Один из адвокатов, о ком идет речь в статье, лишился статуса за действия, не совместимые с адвокатской профессией. Оказывая правовую помощь, взял у доверителя деньги в долг. Пикантность ситуации заключалась в том, что деньги, полученные по договору займа, он не отдавал, а в счет погашения долга предложил клиенту забрать его машину с доплатой 200 тысяч рублей. Деньги пришлось взыскивать через суд. Но этот человек вновь получил статус в Чечне. Вскоре еще несколько местных жителей стали вдруг «де юре» чеченскими адвокатами. Они пытаются работать на территории Воронежской области без законных оснований.

Практика незаконного получения адвокатского статуса в других территориальных образованиях не воронежское изобретение. В Москве тоже работают адвокаты, получившие статус в АП Чечни, но в большом городе они не так заметны. Существует, конечно, и законный порядок перехода из палаты в палату, но для этого нужно иметь временную, не менее года, регистрацию в регионе, состоять на учете в соответствующей организации, уплачивающей единый социальный налог.

■ ОТ РЕДАКЦИИ. Автор статьи Е. Курилёнок подняла серьезную проблему корпоративных отношений между палатами субъектов РФ. Хотелось бы надеяться, что ситуация со скандалом вокруг «чеченских адвокатов» в Воронеже не станет типичным явлением в адвокатском сообществе. А что думают по этому поводу наши читатели?

ПО УКАЗКЕ ПРОКУРОРА

Прецедентному делу, которое в самом начале этого года рассматривал Советский районный суд Орла, предшествовали и события неординарные. Адвоката Александра Жилина не допустили на свидание с подзащитным. И он решил оспорить действия руководителей следственного изолятора-1 УФСИН по Орловской области, лишивших его возможности исполнить гарантированную законом обязанность.

Статья 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (в ред. ФЗ от 8.12.2003) гласит: «Подозреваемым и обвиняемым предоставляются свидания с защитником с момента фактического задержания. Свидания предоставляются наедине и конфиденциально без ограничения их числа и продолжительности, за исключением случаев, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Свидания предоставляются защитнику по предъявлению удостоверения адвоката и ордера. Истребование у адвоката иных документов за-

Николай СОКОЛОВ,
главный специалист
Федеральной палаты адвокатов РФ

прещается». Пункт 135 Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых, изданных на основе упомянутого закона 22 ноября 2005 года, буква в букву повторяет эту норму.

Когда Жилин прибыл в СИЗО, он предъявил, как и положено, ордер и удостоверение адвоката. Однако сотрудники спецчасти отказались предоставить ему свидание. Основание – указание областной прокуратуры, а еще то, что в СИЗО отсутствует уведомление суда о допуске адвоката к участию в деле в качестве защитника и об отсутствии отводов ему. Между тем в ордере четко написано, что член Адвокатской палаты Орловской области Александр Анатольевич Жилин осуществляет защиту осужденного С.М. Мелехова в суде второй инстанции.

Казалось бы, «поборникам» правопорядка, за коих пытаются выдавать себя иные чрезмерно ретивые службисты из числа следователей, сотрудников СИЗО, ИВС, колоний и тюрем, остается лишь привычно взять под козырек и строго следовать букве закона. Ан нет, не таков наш исполнитель при погонах и какой-никакой власти. Ну просто так и тянет его обозначить свою значимость самочинными «довесками» к приказам, указаниям сверху, а то и к самому закону. При посещении СИЗО № 1 города Новосибирска, к примеру, адвокатов подвергают обязательному досмотру. Сколько бесценного времени уйдет на ожидание, за-

висит опять-таки от разворотливости и порядочности исполнителей.

Кое-кто из официальных лиц, то есть облеченных не только полномочиями, но и обязанностями, не считает нужным исполнять предписанное нормативными актами. В частности, не сообщают обвиняемому, что его родственники заключили с адвокатом таким-то соглашением об оказании ему правовой помощи. Иные используют проверенный бюрократами многих поколений метод «запуска по кругу». Требуют не предусмотренные законодательством ходатайства для оформления допуска к участию в уголовном деле, которые необходимо зарегистрировать в канцелярии. Оттуда же, по почте, адвокат и получит письменное уведомление о результатах их рассмотрения. Как правило, это бывает очень и очень нескоро. Или не происходит вообще. Потому что в процессе уже трудится, понятно, особо не напрягаясь, «прикормленный» милицией и прокуратурой защитник.

Формально права подозреваемого, обвиняемого вроде бы и не нарушаются, а фактически от дела отстраняется имеющий все права на защиту адвокат. Ну как тут не припомнить, что Конституционный суд еще в октябре 2001 года признал не противоречащими Конституции положения статей 47 и 51 УПК РСФСР, которые регулируют порядок допуска адвоката, имеющего ордер юридической консультации, к участию в деле. В том числе при проведении свиданий с содержащимися под стражей обвиняемыми и подозреваемыми, «поскольку эти положения не предполагают каких-либо дополнительных условий разрешительного характера для реализации права обвиняемого (подозреваемого) пользоваться помощью адвоката (защитника)». КС считает, что нормы процессуального законодательства о допуске адвоката к участию в деле в качестве защитника не должны рассматриваться «как основание для введения разрешительного порядка реализации права адвоката иметь свидания с подозреваемым и обвиняемым, содержащимися под стражей». То есть реализация права подозреваемого и обвиняемого на помощь адвоката (защитника), в том числе свидания с ним, не может быть обусловлена соответствующим разрешением лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело.

Исходя из этого, Советский райсуд Орла признал, что у сотрудников СИЗО не было никаких оснований отказывать адвокату в свидании с подзащитным. Отмечено, что не подлежат исполнению СИЗО указания прокуратуры о разрешении допуска адвоката к доверителю дознавателем, следователем, прокурором или судьей, что сообщать в изолятор об отводе защитника обязаны органы дознания, следствия или суда. Вообще, в соответствии с постановлением Конституционного суда от 25.10.2001 г. №14-П не допускается регулирование конституционного права на адвокатскую помощь ведомственными нормативными актами, поскольку это зачастую ставит реализацию возможности свидания обвиняемого с защитником в зависимость от специального разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело. Анало-

гичное решение принято и по заявлению адвоката Элины Ершовой.

Итак, действия руководства СИЗО-1 из Орла судом признаны незаконными. А как быть с остальными более чем двумястами таких, мягко говоря, отступлений от закона только в этом регионе? Сколько их по всей России? И почему такое вообще возможно?

А потому, что любой, самый раскрепосный по сути своей закон на «земле», при контакте с юридически малограмотным или откровенно заинтересованным «местечковым» трактованием превращается просто в бумагу. Самое удивительное, что столь изощренную систему недопуска адвокатов к своим подзащитным не только поощряют, но и используют даже следователи Генеральной прокуратуры РФ. Дескать, у них «теперь так принято», чтобы все входящие и исходящие документы проходили регистрацию в канцелярии. На основании чего «принято», непосвященным не поясняют, лишь ссылаются на известное всем положение, что разрешено все, не запрещенное законом. А в УПК РФ и на самом деле нет, к сожалению, статьи, запрещающей ведомственную нормотворческую деятельность, в результате которой прямо или косвенно меняется суть закона.

Вот вроде бы не такая уж и значительная деталь. Ну не прописали в законе порядок предоставления ордера и ходатайства о вхождении в дело. И сразу тут и там попытались установить свои правила и процедуры. Не облегчающие, а затрудняющие допуск адвоката к подзащитному. Не всех, понятно, а в зависимости от симпатий следователя, характера, серьезности дела, иных факторов.

Самодетельность правоохранительных органов в регионах поддерживают и в какой-то степени стимулируют власти федеральные. Не могу не привести в этой связи характерные выдержки из ответа Федеральной службы исполнения наказаний: «...требования администрации ФГУ ИЗ-77/11 УФСИН по г. Москве о предоставлении адвокатами ордера с отметкой следователя являются неправомерными». И тут же: «...предоставление адвокату свидания с подозреваемыми или обвиняемыми без получения соответствующей информации о его допуске к участию в уголовном деле является недопустимым. Прокуратурой г. Москвы указанный порядок предоставления свиданий с лицами, содержащимися под стражей, признан правомерным».

Это не просто еще одно проявление всем известного: левая рука не ведает, что творит правая. Это позиция, ибо руководство ФСИН в лице г-д В. Семенюка, С. Денисова убеждено, что «отсутствие письменного разрешения на свидание с подозреваемым или обвиняемым может повлечь предоставление свидания адвокату, не являющемуся участником уголовного судопроизводства и не приобретшему полномочия защитника по данному делу». И зачем тогда переводить бумагу на ордер, а еще раньше – на соглашения-договоры? Вообще для кого пишутся законы, если даже ответственные за исполнение и надзор люди трактуют их так, как им больше нравится?

...А ПРОБЛЕМЫ ОСТАЛИСЬ

Скоро полгода, как завершил работу III Всероссийский съезд адвокатов РФ. Перемены, коснувшиеся многих сфер нашей жизни, не обошли стороной и российскую адвокатуру, которая достойно выдержала не одну попытку лишить ее основополагающих принципов. Вместе с тем многие адвокатские проблемы не только не разрешились, скорее наоборот, обострились. Об этом шла речь на последнем заседании исполкома Гильдии российских адвокатов.

Гасан МИРЗОЕВ,
президент Гильдии российских адвокатов,
ректор Российской академии адвокатуры,
член Общественной палаты РФ

На съезде отмечалось, как непросто порой складываются взаимоотношения адвокатских образований в регионах с территориальными органами государственной власти. Это касается и вопросов регулярной оплаты за участие адвокатов в делах по назначению органов следствия, суда и прокуратуры, и формирования единых для всего адвокатского сообщества правил профессиональной деятельности в соответствии с законодательством. Вопреки нормам закона о независимости и самоуправлении адвокатуры, еще нередки попытки необоснованных проверок, постоянно растет плата за аренду помещений.

На мой взгляд, причиной всего этого стала разрозненность усилий в стремлении укрепить адвокатские ряды, бюрократизация некоторых органов адвокатского самоуправления, даже я бы сказал, изоляционная политика отдельных адвокатских палат, которые стремятся отгородиться от внешнего мира. Никто не спорит, корпоративная демократия и независимость – базовые принципы нашей успешной профессиональной деятельности. Но хотелось бы предостеречь от попыток уйти в глухую изоляцию, поскольку мы живем в реальном мире, где существуют определенные отношения между людьми, органами власти, общественными течениями, когда без точек соприкосновения не обойтись. Поэтому необходимо конструктивно и последовательно работать с различными властными структурами, начиная с региональных. В частности, с представителями регистрационной службы на местах.

В Министерстве юстиции, Государственной думе, Администрации Президента РФ есть немало людей, хорошо понимающих проблемы адвокатуры и разделяющих озабоченность состоянием дел в нашей корпорации. Члены Общественной палаты по своему основному роду занятий – представители разнообразных профессий, имеющие особые заслуги перед государством. Адвокатское сообщество в ней представлено четырьмя адвокатами. То есть через наших представителей, работающих сейчас в органах власти, можно решать многие вопросы, касающиеся профессиональной адвокатской деятельности. Справедливости ради, замечу, есть среди чиновников немало и таких, кто сознательно создает препятствия для выдвижения адвокатов, например, на судебские должности. Свое мнение по этому поводу я уже

высказал в диалоге с председателем Московского областного суда С. Марасановой, опубликованном в № 4 «РА». Полагаю, свою позицию в аналогичных случаях мы должны активнее отстаивать публично, через средства массовой информации, чтобы власть знала ее и считалась с ней. Необходимо использовать любую возможность, для того чтобы мнение адвокатов было услышано как общественностью, так и властью.

Например, одна из важнейших проблем нашей профессиональной деятельности – отсутствие помещений для адвокатов в судах. Разве это нормально, когда адвокат не имеет элементарных условий, чтобы поработать с документами, спокойно подготовиться к судебному разбирательству, вынужден делать это едва ли не на задворках? А ведь он, между прочим, по закону такой же полноправный участник судопроизводства, как прокурор и судья. Отношения в судах к адвокатам нельзя назвать доброжелательными, но всякое явление имеет, очевидно, свою причину. Подчас иные адвокаты являются в суд наряженными, как на дружескую вечеринку, это тоже нельзя сбрасывать со счетов! Мы на 5-м очередном съезде Гильдии российских адвокатов обсуждали вопрос о введении мантии адвокатов, даже демонстрировали образец. Обратился я и к делегатам съезда, чтобы они не только высказали свое мнение, но и приняли соответствующее решение. Для начала пусть это будет в двух-трех адвокатских палатах, которые готовы принять на себя часть расходов на пошив мантий. Можно предусмотреть и другие формы атрибутики, но вводить мантию или какой-то отличительный знак в публично-правовом институте общества, коим является адвокатура, необходимо, ибо это будет способствовать авторитету и моральной защищенности адвоката, достижению равноправного статуса защитника при отправлении правосудия.

Предвижу вопрос: а где же адвокату переодеваться или ему в мантии по городу ходить? Вернулись к тому, с чего начали, – адвокатам нужны помещения в судах, поскольку там они проводят немалую часть своей профессиональной деятельности. Как отмечалось на съезде, поскольку адвокатура реализует общественные интересы, она не может быть вне сферы внимания государства. К сожалению, пока оно ограничивается лишь попытками усилить государственный контроль над адвокатурой. Полагаю, что Совету Федеральной палаты адвокатов России, призванному заниматься насущными проблемами нашей повседневной и профессиональной жизни, пришла пора обратиться к Администрации Президента РФ, высшим судам РФ, Судебному

департаменту с настоятельной просьбой решить эту проблему безотлагательно. Вот такое внимание государства к адвокатуре будет ей во благо!

К сожалению, не преодолена еще инерция мышления, отождествление адвоката с образом чуть ли не пособника преступника, всеми силами мешающего в борьбе с нарушителями правопорядка. Наиболее наглядно это проявляется в учреждениях СИЗО, где адвокату для встречи с подзащитным подчас приходится выстаивать многочасовые километровые очереди. Доходит до того, что адвоката нередко объявляют едва ли не виновником беспредела, который творится на местах. Конечно, есть в наших рядах люди, позорящие звание адвоката, но у нас достаточно сил, чтобы своевременно избавляться от недостойных коллег. Вместе с тем прослеживается и иная тенденция: под видом борьбы за чистоту своих рядов на местах преследуют тех, кто добросовестно выполняет свой профессиональный долг, честно защищает права своих доверителей. Просто некоторым чиновникам от адвокатуры не нравится, что такие люди открыто высказывают свое мнение, не угодничают, не идут на компромисс со своей совестью. В письмах из разных регионов, которые приходят в комиссию по защите прав адвокатов – членов адвокатских образований Гильдии российских адвокатов, подробно изложены факты нарушения их прав, преследования и даже лишения статуса. И все только потому, что они не угодили руководству некоторых адвокатских палат. Таким образом, если раньше мы были озабочены защитой прав адвокатов от посягательств правоохранительных органов, то теперь занимаемся защитой адвокатских прав от... своих коллег! Парадоксальная ситуация, не правда ли?

Хочется надеяться, что урегулированием спорных вопросов (в том числе уже после рассмотрения дисциплинарных дел в региональной адвокатской палате) займется созданная решением съезда постоянная комиссия по правовому наблюдению Федеральной палаты адвокатов РФ, которой теперь дано право давать заключение по тем или иным решениям, принятым адвокатской палатой субъекта РФ. Работа названной комиссии чрезвычайно важна еще и потому, что нам известны случаи, когда следственными органами субъектов РФ инициируются жалобы, направленные на «выдавливание» адвокатов из дел.

Адвокаты должны, наконец, стать единой авторитетной силой, заслуживающей уважения в обществе. В будущем году состоится вступление России в ВТО, что вызывает серьезную озабоченность незащищенностью рынка юридической помощи. Иностранские юридические компании, которые придут в Россию, пользуясь правилами ВТО, окажутся в более выгодном положении по сравнению с российскими. Что касается адвокатов, надо учесть, что на постоянной основе с предпринимательскими структурами работает не более одного про-

цента от общей численности. И в этой ситуации некоторые наши коллеги предлагают в очередной раз переписать закон об адвокатуре. Создать, в частности, некие структуры в форме адвокатских фирм, которые фактически будут заниматься предпринимательской деятельностью. Но тогда и о преференциях, которыми нынче пользуются адвокаты, придется, извините, забыть. На мой взгляд, такие необдуманные предложения могут дорого обойтись всему сообществу. Если мы продолжим выяснять отношения между собой, то вновь окажемся под угрозой раздробленности наших усилий, что сыграет лишь на руку чиновникам.

Свидетельство тому – ситуация с созданием так называемых государственных юридических бюро. С са-

Идет заседание Исполкома Гильдии российских адвокатов ▲

мого начала было ясно, что целевое финансирование из выделенных Правительством РФ средств на оказание юридической помощи малоимущим через действующие адвокатские структуры позволило бы решать задачу с большей эффективностью и меньшими затратами. И хотя многие специалисты отрицательно оценили идею эксперимента, его решили продолжить теперь уже во всех субъектах РФ, скрыв при этом реальные результаты от общественности.

Чтобы сохранить независимость, мы должны быть крепкими внутри нашей корпорации. Для этого нужно выстроить систему отношений между адвокатами, адвокатскими образованиями, органами адвокатского самоуправления на основе взаимного понимания, порядочности и уважения. Только в таких условиях можно на деле отстаивать наши профессиональные и социальные права, стать серьезной общественной силой.

Фото Виталия АЛТАБАЕВА

СПОР ВО ФРАНЦУЗСКОМ СУДЕ

Весной 1993 года Судом большой инстанции в Париже рассматривались иски, предъявленные дочерью С. И. Щукина, Ириной Щукиной, в отношении картин, вывезенных из России в Париж на выставку в Центр Жоржа Помпиду. Ответчиками по иску И. Щукиной были Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве, Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге и Центр Жоржа Помпиду в Париже, а затем и Российская Федерация. Мне довелось со стороны ответчиков участвовать еще в Москве в подготовке дела к слушанию. Адвокатом по делу со стороны ответчиков был известный французский адвокат Даниэль Гийо. (Впоследствии он защищал интересы нашей страны, в частности, в 2000 году добился освобождения от ареста счетов Посольства РФ во Франции и Представительства РФ при ЮНЕСКО.)

Он встретил меня в аэропорту и совершенно неожиданно, волнуясь, сказал, что должен доставить меня к главе (дуайену) адвокатского корпуса в Париже. Оказывается, адвокаты некой американской конторы, находящейся в Брюсселе, предъявили доверенность, выданную им одной из российских государственных организаций, на ведение дела в качестве адвокатов ответчиков вместо Даниэля Гийо. Когда мы приехали в город, они уже находились у дуайена. Американская адвокатская контора предложила российской стороне добровольно уплатить определенную сумму истцам — наследникам С. И. Щукина и И. А. Морозова. При этом они обещали, что истцы в случае уплаты названной суммы отзовут свои иски. Адвокаты же должны были получить значительное вознаграждение за посреднические услуги. На совещании у дуайена я заявил, что доверенность на ведение дела была выдана господину Гийо Министерством юстиции РФ, и только он уполномочен российскими ответчиками на ведение этого дела.

Марк БОГУСЛАВСКИЙ,
профессор,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

доверенность на ведение дела была выдана господину Гийо Министерством юстиции РФ, и только он уполномочен российскими ответчиками на ведение этого дела.

Дуайен запретил представителям американской фирмы выступать в качестве адвокатов ответчиков, но при этом он разрешил им находиться в зале заседания суда, однако не в адвокатских мантиях. Таким образом, личное вмешательство дуайена помешало явно недобросовестным лицам выступить в качестве адвокатов по делу.

Прежде чем перейти к существу спора, напомним, что С. И. Щукин (1852–1936) сыграл выдающуюся роль в художественной жизни России, он прославился, прежде всего, как собиратель картин малоизвестных и непризнанных в то время французских импрессионистов. Во время своих поездок во Францию он посещал художников, отбирал понравившиеся ему полотна, покупал их и тем самым поддерживал авторов этих картин. Со многими из художников он подружился, особенно с Анри Матиссом и Пабло Пикассо. В 1911 году Матисс по приглашению Щукина приезжал в Москву и лично развешивал картины в его доме в Большом Знаменском переулке. В собрании С. И. Щукина, наряду с картинами Моне, Сезанна, Гогена, Руссо, было 37 картин и рисунков А. Матисса и 51 произведение Пикассо. Собранную им коллекцию он сделал общедоступной, водил экскурсии по галерее.

Коллекция была национализирована Декретом Совета Народных Комиссаров от 29 октября 1918 года, подписанного В.И. Лениным. В этом декрете под названием «О национализации Художественной галереи Щукина» говорилось следующее: «...принимая во внимание, что Художественная галерея Щукина представляет собой исключительное собрание великих европейских мастеров, по преимуществу французских, конца XIX и начала XX века и по своей высокой художественной ценности имеет государственное значение в деле народного просвещения, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Художественную галерею Сергея Ивановича Щукина объявить государственной собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской

Республики и передать ее в ведение Народного Комиссариата Просвещения на общих основаниях с прочими государственными музеями;

2. Здание, в котором находится галерея (д. 8 по Б. Знаменскому пер.), с прилегающим участком земли, составляющим бывшее владение С. И. Щукина, и со всем инвентарем передается в ведение и распоряжение Народного Комиссариата Просвещения...». А постановление о национализации художественных собраний И. А. Морозова, И. С. Остроухова и В. А. Морозова было принято 19 декабря 1918 года.

Копии искового заявления от 23 февраля 1993 года после открытия выставки Анри Матисса в Париже в Центре Жоржа Помпиду были вручены в аэропорту перед отлетом в Россию директору ГМИИ им. А. С. Пушкина И. А. Антоновой и директору Эрмитажа М. Б. Piotровскому. В исковом заявлении, подписанном от имени Щукиной известным французским адвокатом Б. Жуано, выдвигалось требование наложить предварительный арест на картины Матисса и каталоги выставки. Оно обосновывалось тем, что право собственности Российского государства на картины не может быть признано во Франции, поскольку Декрет о национализации, предусматривающий безвозмездное изъятие картин у собственника, противоречит публичному порядку этой страны. И, как отмечалось в исковом заявлении, из этого следует, что собственником картин является дочь С. И. Щукина, Ирина Щукина, как его единственная (из оставшихся к тому времени в живых) наследница. Требование об аресте каталогов обосновывалось тем, что в них были помещены репродукции картин Анри Матисса без согласия собственника картин И. Щукиной. Первоначальный иск был предъявлен Центру Жоржа Помпиду, в котором проводилась выставка, и двум российским музеям.

Позднее иск был предъявлен Российскому государству, а исковое заявление было направлено Посольству РФ во Франции. В нем ставился вопрос о vindicации картин, то есть о возврате их от несобственника к собственнику. 5 мая 1993 года адвокат Б. Жуано предъявил еще один иск от имени некоего И. Коновалова, в нем указывалось, что Коновалов является внуком другого известного российского коллекционера И. Морозова, картины из собрания которого также были выставлены в Центре Жоржа Помпиду. По своему содержанию исковое заявление от имени И. Коновалова полностью повторяло исковое заявление от имени И. Щукиной.

Поскольку иск был предъявлен к Российскому государству, Посольство РФ в Париже направило ноту в Министерство иностранных дел Франции. В ней посольство ссылалось на международно-правовой принцип иммунитета государства, в силу которого иностранное государство не может быть привлечено к суду другого государства без его на то согласия. При этом подчеркивалось, что участие посольства в рассмотрении дела и назначение им французского адвоката не могут рассматриваться в качестве согласия Российской Федерации на подчинение спора юрисдикции французского суда. Российское посольство во

Франции с самого начала заняло в деле о картинах Анри Матисса активную позицию. Подготовкой к рассмотрению дела в суде занимался опытный дипломат, юрист-международник К. Г. Геворган. Большое внимание уделял этому и тогдашний посол России во Франции А. Н. Рыжов. Посольство участвовало в разработке юридической позиции российских ответчиков и способствовало тому, чтобы руководители двух наших знаменитых музеев – ответчиков по делу – опять приехали в Париж и явились на заседание суда.

Слушание в суде было назначено на 16 часов 12 мая 1993 года. Утром стало известно, что адвокат Б. Жуано заявит ходатайство об отзыве иска. Чем объяснить такой необычный ход со стороны французского адвоката – представителя истцов? Можно предположить, что здесь сыграли свою роль различные обстоятельства. Во-первых, очевидно, он не был уверен в том, что иск будет удовлетворен судом. Во-вторых, адвокат Б. Жуано, возможно под влиянием «американских посредников», пытался вести предварительные переговоры, с тем чтобы получить от российской стороны какую-то компенсацию за национализацию собраний С. И. Щукина и И. А. Морозова взамен на отзыв из суда исковых заявлений.

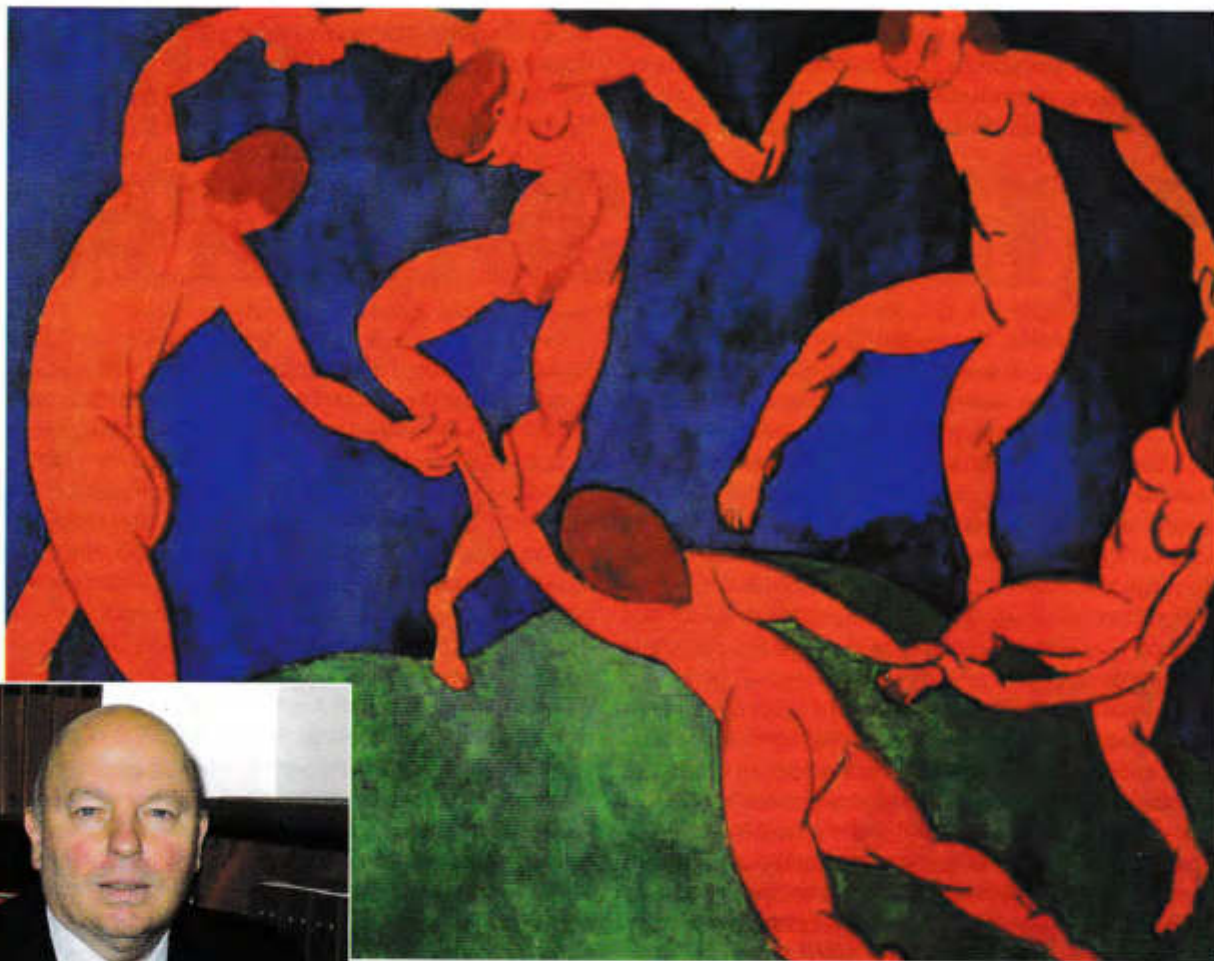
Иллюзии адвоката строились на песке, поскольку российская сторона с самого начала этого дела занимала принципиальную позицию непризнания права собственности наследников на собрания С. И. Щукина и И. А. Морозова. Согласиться же на компенсацию в любом размере означало бы признание права собственности наследников, на что наша страна пойти не могла.

Мы изучили возможные варианты отзыва иска, предусмотренные французским процессуальным законодательством. Согласно первому из них, истец временно отзывает исковое заявление, сохраняя возможность в любой момент поставить вопрос о возобновлении рассмотрения дела, что означает его временное отложение. По второму варианту истец отзывает исковое заявление вообще.

Оба адвоката ответчиков пришли к выводу, что в случае использования истцом первого варианта наша сторона заявит о своем несогласии и потребует от суда рассмотрения иска по существу. В случае же использования истцом второго варианта было решено ходатайствовать об объявлении перерыва, для того чтобы мы могли обсудить возникшую ситуацию и исключить возможность выдвижения каких-либо предварительных условий для отложения дела.

Так называемый Суд большой инстанции обычно рассматривает дела, в которых применяются международно-правовые нормы, затрагиваются интересы иностранных физических и юридических лиц. Председателем состава была госпожа Рамофф – авторитетный французский судья. Участвовал в заседании и представитель прокуратуры Франции (случай во французской судебной практике по гражданским делам достаточно редкий).

В начале заседания адвокат Б. Жуано заявил свое ходатайство. Как и следовало ожидать, он выбрал первый из возможных вариантов. Адвокаты ответчиков

Анри Матисс. Танец ▲
Французский адвокат Даниэль Гийо ◀

тут же высказались против, и суд ходатайство отклонил. Слушание дела началось. Во время подготовки к слушанию и в ходе судебных заседаний позиции Центра Жоржа Помпиду и российских ответчиков по делу полностью совпали. Их адвокаты, госпожа Мари Делион-Блох, представлявшая Центр Жоржа Помпиду, и мэтр Даниэль Гийо, действовали согласованно. В заседании суда участвовал представитель посольства, советник К. Г. Геворгян, и я. Мы сидели на первой скамье рядом с нашим адвокатом Даниэлем Гийо.

Судебное заседание во Дворце правосудия привлекло многочисленную публику. В зале, наряду с И. А. Антоновой и М. Б. Пиотровским, присутствовал внук С. Щукина, Андрэ Марк Делок-Фурко, наследники художника Анри Матисса, представители музеев, не только французских. Особый интерес проявили организаторы предстоявшей в конце июня того же 1993 года выставки из собраний С. И. Щукина и И. А. Морозова в Эссене (ФРГ), судьба которой в определенной степени зависела от решения французского суда.

Первым выступил адвокат Б. Жуано. Он заявил о несправедливости и противоправности ленинского декрета от 29 октября 1918 года, на основании которого была национализирована коллекция картин С. И. Щукина (копия декрета была представлена суду). Адвокат квалифицировал декрет как ограбление част-

ных собственников, которое не может быть признано во Франции, говорил о том, что акты безвозмездной национализации противоречат Декларации прав человека, принятой ООН. Его выступление представляло собой образец судебного красноречия, и основное место в нем заняли морально-этические вопросы. В частности, он живописал тяжелую судьбу русских эмигрантов. Яркая речь Б. Жуано произвела большое впечатление на присутствующих. Многие плакали.

Адвокаты со стороны ответчиков больше внимания уделили доводам юридического характера. Вместе с тем адвокатом Д. Гийо были обстоятельно изложены и факты, свидетельствующие о том, что сам С. И. Щукин всегда считал, его собрание должно быть общедоступным, а не находиться в частных руках, и он не ставил вопроса о возврате ему коллекции. Об этом в свое время писал и друг С. И. Щукина, бывший товарищ московского городского головы Б. Бурышкин в своей книге «Москва купеческая», первое издание которой вышло в Нью-Йорке в 1954 году. Так он вспоминал, что на его вопрос С. Щукину, верно ли то, что он «собирается судебным порядком выволочь свои коллекции», Щукин, волнуясь, сказал: «...я собирал не только и не столько для себя, а для своей страны и своего народа. Что бы на нашей земле ни было, мои коллекции должны оставаться там». Адвокаты со стороны ответчика

подчеркивали, что и российские музеи, и Центр Жоржа Помпиду находятся в государственной собственности, говорили о роли выставок в аспекте международного культурного сотрудничества, обосновывали позицию признания иммунитета государства и его собственности. Затем выступил прокурор, поддержавший доводы ответчиков, касающиеся судебного иммунитета.

От имени Российского государства в суде было заявлено, что акт о национализации представляет собой осуществление публичной власти государства и касается коллекций картин, принадлежащих его гражданам и находящихся на его территории. Кроме того, внимание суда было обращено на то, что иммунитетом от принудительных мер пользуется не только государство как таковое, но и также два музея, осуществляющие хранение картин в рамках выполнения публично-правовых функций в области культуры, на что они были уполномочены Министерством культуры РФ. Суд согласился с этими доводами и признал, что при отсутствии согласия государства на рассмотрение дела, иски не могут быть предметом рассмотрения суда. На этом же основании суд отказал истцам в отношении их требований об осуществлении мер принудительного характера в отношении картин. Решение суда было вынесено с учетом предшествующей судебной практики Франции. Следует иметь в виду, что организовать выставку за рубежом этих художественных ценностей могло только государство или государственные музеи. Проведение выставки в Париже, на что совершенно справедливо обращалось внимание в ноте Посольства РФ во Франции, осуществлялось в рамках межгосударственного культурного сотрудничества и не преследовало никаких коммерческих целей.

Ссылка истца на нарушение Декларации прав человека ООН была оставлена судом без внимания. В своем решении суд прямо указал на экстерриториальное действие декрета 1918 года во Франции, несмотря на его «грабительский» характер (если переводить буквально). Иными словами, безвозмездность проведения национализации не была признана во Франции основанием для неправомерности действия этого акта. Ссылка истца на непризнание действия этого Декрета о национализации в силу его противоречия публичному порядку Франции судом была отвергнута.

Принципиально важным является то, что французский суд посчитал: он не может входить в рассмотрение вопроса о характере акта, принятого иностранным суверенным государством. Решение такого рода связано с признанием принципа судебного иммунитета государства и его собственности. Суд исходил из того, что собственником картин Матисса является государство, которое передало эти картины в два государственных музея, осуществляющие владение картинами.

Обращу внимание читателя еще на два обстоятельства процессуального характера. После окончания прений в соответствии с принятой во Франции процедурой адвокаты передали составу суда досье документов. Заседание суда завершилось сообщением о том, что решение по делу будет объявлено 16 июня 1993 года. И действительно в назначенный день адвокатам сторон было передано решение, в котором Суд большой инстанции полностью отказал

и Щукиной, и Коновалову в их исковых требованиях.

Значение решения суда по этому делу трудно переоценить, поскольку французский законодатель отреагировал на него очень быстро. Вскоре во Франции был принят закон № 94/679 от 8 августа 1994 года, предусматривающий временный иммунитет культурных ценностей, вывезенных на выставки. Согласно этому закону, культурные ценности, ввезенные органом государственной власти иностранного государства, публичным образованием (юридическим лицом публичного права) или иностранным культурным учреждением, предназначенные для публичного показа (экспонирования) во Франции, не подлежат аресту в течение периода времени, когда они предоставлены французскому государству или любому юридическому лицу, им на это уполномоченному. Закон предусматривает также, что в отношении каждой выставки должно приниматься совместное распоряжение министра культуры и министра иностранных дел. В нем должен быть установлен срок проведения выставки и определен (зафиксирован) список культурных ценностей. Распоряжение должно быть опубликовано в официальном издании (*Journal Officiel*).

Практика показала, что число таких выставок во Франции с каждым годом увеличивается. Аналогичные законы были приняты и в ряде других стран. 2 декабря 2004 года Генеральная Ассамблея ООН одобрила Конвенцию ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. В ней предусмотрены особые категории собственности, пользующиеся полным иммунитетом от принудительных мер. К их числу отнесены «собственность, составляющая часть культурного наследия государства или часть его архивов и не выставленная или не предназначенная для выставления на продажу», а также «собственность, составляющая часть экспозиции объектов, которые представляют научный, культурный или исторический интерес, и не выставленная или не предназначенная для выставления на продажу».

...После рассмотрения во французском суде «иска Ирины Щукиной к Владимиру Ленину», как его назвал известный журналист Юрий Коваленко, прошло более 10 лет. В ноябре 2006 года адвокат Д. Гийо, ставший к тому времени президентом Франко-российского общества юристов, приехал на несколько дней в Москву для участия в Международной конференции, которая проводилась во Всероссийской библиотеке иностранной литературы им. М. И. Рудомино. Он блестяще выступил на этой конференции при обсуждении вопроса о гарантиях от ареста экспонатов на международных выставках. Вечером мы поехали в Малый Знаменский переулок, где он остановился. Мы вошли во двор и подошли к маленькому домику. За оградой я вдруг увидел другой двухэтажный дом, некогда принадлежавший С. И. Щукину, в котором его друг Анри Матисс развешивал картины. Я спросил у нашего гостя, знает ли он, что это за дом? Тот спокойно ответил: здание отдела внешних сношений Министерства обороны. Каково же было удивление Д. Гийо, когда я объяснил, что он живет в доме, который тоже находился во владении Сергея Ивановича Щукина. Вот уж действительно пути Господни неисповедимы.

ЗА ПРЕМИЮ, ХОТЯ И С ОГОВОРКОЙ

В советские времена оплата адвокатской деятельности регулировалась системой тарифов, утверждаемых Министерством юстиции. С появлением нового гражданского законодательства в РФ у адвокатов появилась возможность получать так называемый гонорар успеха. Председатель Высшего арбитражного суда А. Иванов охарактеризовал его как взятку, а сопредседатель Ассоциации юристов России С. Степашин высказал прямо противоположную точку зрения. Мнения по этому поводу неоднозначны и в адвокатском сообществе. Но если соглашение с клиентом отнесено к адвокатской тайне, какой смысл затевать полемику вокруг легитимности дополнительного гонорара? Своими рассуждениями делится член Адвокатской палаты г. Москвы Игорь ПАСТУХОВ.

Что такое «гонорар успеха»? С клиентом договариваются: если дело решится в его пользу, он в качестве вознаграждения выплатит некую сумму. Эта сумма может быть как единственной, так и дополнительной частью вознаграждения. «Гонорар успеха» закладывается в соглашение с клиентом, когда предстоит очень сложная работа. Иными словами, в случае выиг

реша клиент расплачивается с адвокатом из сумм, взысканных с проигравшей стороны. И такой подход применим только к имущественным спорам, а в уголовном судопроизводстве об этом не может быть речи. Аналогичное положение содержится и в Кодексе профессиональной этики адвоката. При этом считается нормальным получение вознаграждения в процентах от цены иска в случае успешного окончания дела.

Однако именно «гонорар успеха» в последнее время стал камнем преткновения. Сейчас законодательство таково, что суд определяет, какую сумму, связанную с расходами адвоката, надо возместить победителю в споре, исходя из некоей «разумности». Например, клиент выплатил адвокату за работу 25 тысяч рублей, а суд взыскивает с ответчика всего 1000 рублей. В Высшем арбитражном суде РФ вообще сложилось твердое убеждение, что «гонорар успеха» – форма передачи адво-

катами взяток судьям, и в подготовленном им законопроекте предлагается в принципе исключить существование «гонорара успеха». Двойственную позицию по этому вопросу высказал и Конституционный суд РФ в постановлении от 23.01.2007 № 1-П. Получается, что заключать договор с клиентом о «гонораре успеха» можно при условии, если величина гонорара не ставится в прямую зависимость от исхода судебного процесса. Появилась практика арбитражных судов, которые отказывают адвокатам во взыскании гонорара как процента от выигранной суммы, ссылаясь на позицию КС РФ, указавшего, что оплачивается только реально выполненная работа, а вознаграждение за вынесенное судебное решение не может быть предметом сделки.

На мой взгляд, позиция КС РФ спорная, ибо при утверждении, что «гонорар успеха» – плата за вынесенный судебный акт, игнорируется главный принцип судопроизводства, которым мы гордимся, состязательность сторон. Как же можно говорить, что решение суда не зависит от действий спорящих? Совершенно очевидно, что тот, кто лучше представляет доказательства и аргументы, в большей степени влияет на решение суда. Так же и клиента интересует не сам по себе «процесс оказания услуги», а результат, к которому она приводит. Непонятно, почему закон разрешает заказчику выплачивать дополнительное вознаграждение подрядчику за результат работы, и не может этого же позволить в отношении лица, оказывающего услуги?

Членом Совета Федерации Ю. Шарандиным представлен в Госдуму законопроект, предлагающий внести соответствующие поправки в ст. 25 закона об адвокатуре, однако Мосгордума его не поддержала. Столичные депутаты посчитали, что ориентировка адвокатов на «гонорар успеха» приведет к повышению стоимости их услуг, что они будут стремиться достичь результата любыми средствами, а это недопустимо. Позиция, как мне кажется, сомнительная, поскольку сво-

бода договора относится к основополагающим принципам гражданского права. Разумеется, в соглашении, касающемся выплаты «гонорара успеха», не должно быть слов о том, что адвокат обязан «добиться принятия судебного решения в пользу доверителя». Но в нем может быть записано, например, что «в случае достижения поставленной задачи по защите интересов доверителя плата за работу составит...». При наличии согласия адвоката с клиентом такие договоренности нельзя считать противоречащими требованиям закона. К тому же формальный запрет вознаграждения в таком виде способен «выдавить в тень» отношения клиента с адвокатом. А это означает, что адвокат будет скрывать свои реальные доходы. Непонятно, зачем же понуждать адвокатов не платить налогов?

Поскольку зашла речь о налогах... Я совершенно не согласен с подходом, сформулированным в отношении адвокатских кабинетов, которым запретили использовать упрощенную систему налогообложения. Моя позиция как человека, много лет проработавшего в налоговой службе, однозначна: надо было предоставить право использовать «упрощенку» всем адвокатам, чтобы в сообществе сложилась традиция легального отражения своих доходов. Это принесло бы бюджету больше, чем реальная уплата 13 процентов с того оборота, который отражается в учете. Удивительно, что этот законопроект, усложнивший жизнь «кабинетчикам», вносил депутат А. Макаров. Я слышал его выступление на III Всероссийском съезде адвокатов, пронизанное тезисами заботы о сообществе, но факты – вещь упрямая. Уверен, что данная инициатива депутата Макарова, приостановившего статус адвоката, пошла не на пользу нашей корпорации. Во всем, как мы говорим, «законопослушном» мире система упрощенного налогообложения как раз и вводится в тех сферах, где усложнен контроль. И потому крайне важно сделать закон таким, чтобы платить налоги адвокату было выгодно.

В последнее время идет волна нововведений, касающихся адвокатуры, попытки ее огосударствления, вплоть до решения Правительства РФ, призывающего адвокатов доносить на своих клиентов. Но адвокат не должен определять, какие деньги его доверитель добыл законным путем, а какие нет, равно как и информировать о сделках клиента службу финансового мониторинга – это дело правоохранителей, но не защитника. Какой же тогда смысл в принципе адвокатской тайны, без которого нет института адвокатуры?

Часто у адвокатов возникает вопрос, как быть, если налоговый орган требует информации о доверителе со ссылкой на ст. 93 прим. Налогового кодекса, разрешающую истребовать информацию о налогоплательщике у третьего лица? Арбитражная практика судов кассационной инстанции показывает: совсем не давать сведений о доверителе адвокату нельзя. Но можно поступить мотивированно и гибко, руководствуясь ст. 84 НК РФ, которая запрещает налоговикам собирать и накапливать данные, если конфиденциальная информация была получена с нарушением порядка, то есть без согласия клиента. В этой ситуации доста-

точно запросить у доверителя, какие сведения можно предоставлять, а какие нет. Еще лучше в соглашение с клиентом заложить условие об объеме информации, которую адвокат вправе передать в случае проверки.

Когда проверяется деятельность адвокатского образования, сложностей такого рода не должно возникать, ибо оно не является носителем адвокатской тайны, поскольку не оказывает правовых услуг. Проблема возникает, когда у адвоката требуют документы о его собственных доходах. Здесь ситуация более чем спорная. У налоговиков, понятно, свой взгляд: раз они носители налоговой тайны, значит и секретов от них быть не может! У адвокатов соответственно иная позиция, связанная с адвокатской тайной. Стоит ли называть лиц, которым оказывалась помощь, предоставлять выписки их договоров, где указаны предмет, размер вознаграждения, сумма оплаты, или настаивать лишь на подтверждении факта соглашения с клиентом – это уже зависит от тактики и стратегии работы с налоговыми органами. И к этой ситуации также вполне применим указанный выше подход.

И все же хочется вернуться к запретам, касающимся адвокатуры. Например, негласная установка на то, что членом семьи судьи не может быть адвокат, на мой взгляд, не что иное как запрет на профессию. Ни в одной цивилизованной стране подобное невозможно! В Великобритании судьей нельзя стать, не имея солидного адвокатского опыта. Правда, у них исторически адвокаты разделены: одни работают в судах, другие – вне суда. Первые считаются наиболее квалифицированной категорией. Была попытка ввести некоторый аналог и у нас. Если помните, в прежней редакции АПК РФ действовала норма, согласно которой представлять интересы юридического лица в арбитражном процессе могли только адвокаты, но КС РФ признал ее неконституционной.

При этом он указал, что нашим законодательством никак принципиально не обеспечивается тот посыл, что предоставляемая адвокатами помощь более квалифицированная, чем предоставление услуг не членами адвокатского сообщества. Попросту говоря, доводы о том, что профессиональная подготовка адвоката лучше, чем у любого другого юриста, ничем нормативно не подкреплены. И с этим трудно не согласиться. Хотя в законе есть декларативная норма о том, что адвокат «должен повышать свою квалификацию», содержание ее не раскрыто. Полагаю, что требование об обязательности периодической переподготовки адвокатов должно быть прописано так же детально, как сделано в законах у нотариусов и аудиторов. На самом деле Высшие курсы повышения квалификации при Российской академии адвокатуры уже прошли тысячи адвокатов, но это остается исключительно добровольной процедурой. Разумеется, механизм переподготовки можно обсуждать. На III Всероссийском съезде адвокатов внесено изменение в Устав ФПА РФ, обязывающее региональные палаты устанавливать порядок и систему ежегодного повышения квалификации адвокатов. Но, по-моему, этого не достаточно – такая обязанность должна иметь силу закона.

ВНИМАНИЕ СОЦИАЛЬНЫМ СТАНДАРТАМ

Практически все социальные проблемы в нашей стране всегда имели «женское лицо», но женщина была и фактически остается сегодня отстраненной от их решения. Так считает президент общественной благотворительной организации «Международный женский центр “Будущее женщины”», доктор философских наук, председатель комиссии по вопросам социального развития Общественной палаты России Александра ОЧИРОВА.

Из всего комплекса проблем, с которыми пришлось столкнуться нашему обществу в начале нового века, самая болезненная – демографическая. Ежегодно мы теряем приблизительно 700 тысяч человек. 2007 год имеет все шансы стать переломным, поскольку проблема из обсуждаемых перешла в статус решаемых, особенно после Послания Президента РФ. Не без гордости скажу, что проект Концепции демографической политики до 2025 года содержит значительную часть предложений, высказанных Общественной палатой.

Подсчитано, что для решения демографических проблем России нужно, чтобы в семьях было минимум три ребенка. Но об этом приходится только мечтать, ибо мы живем в стране, где 20 миллионов человек находятся за чертой бедности, а «семейная бедность» вос-

производит дальнейшую нищету, что в свою очередь доводит коэффициент расслоения общества до уровня национальной опасности.

Технологии решения демографических проблем и семейной политики должны базироваться на создании эффективной системы социального сопровождения семей с детьми, увеличении количества детских садов, повышении стандартов обслуживания, обеспечении гарантий прав граждан в сфере здравоохранения и образования, решении жилищных проблем молодых семей. Например, что касается «материнского капитала», это серьезная мера, которая может мотивировать и стимулировать рождаемость. Конечно, она не должна быть единственной, особенно для тех районов и семей, где укрепилась хроническая бедность. Хорошим подспорьем решения проблемы мог бы стать следующий шаг – перевод «материнского капитала» из Пенсионного фонда на личные счета. Это позволило бы использовать проценты для воспитания и лечения детей до того времени, когда женщина сможет воспользоваться «материнским капиталом».

Большие надежды возлагает общество на приоритетные национальные проекты. Их, как известно, четыре. Все они связаны с одной очень важной проблемой –

реализацией социальных прав личности. На жизнь, жилье, образование, труд, доступный отдых. Что конкретно предлагаем мы? Избрать государственную долгосрочную политику, частью которой должна стать семейная доктрина. Свои рекомендации мы направляем в Совет Федерации, Государственную думу, министерства и ведомства. У нашей комиссии немало разработок, которые воплотились в том или ином виде. Например, в создании национального комитета по санитарному просвещению, который будет работать и с нашим участием.

Сейчас мы подняли очень серьезную проблему, вызванную отсутствием закона о минимальных социальных стандартах. Они касаются безопасности жизни, здоровья, здравоохранения, правопорядка, образования и культуры, социальной защищенности стариков, детей и инвалидов. Но стандарты без учета мнения общества не могут быть эффективными. Последние международные дискуссии на эту тему показывают, что переход к стандартам, иному качеству жизни происходит по формуле «от государства благоденствия к обществу благоденствия».

Удалось привлечь внимание власти к положению детей-сирот, которых в России более 720 тысяч. А отказные дети? До сих пор в национальных проектах их положение не прописано. Нам удалось добиться, чтобы их право на жилье было обозначено отдельной строкой в федеральном бюджете. Дети-отказники до 3–4 лет до сих пор проживают в больницах в неопределенном статусе. Наша комиссия пытается внести изменения в законодательство, касающиеся их правового положения, мы имеем свою, резко критическую точку зрения по поводу новой редакции законопроекта «Об опеке и попечительстве», так как он представляет угрозу для патроната в России. При патронате ребенок оказывается под двойным контролем: новых родителей и психологов, которые осуществляют постоянное профессиональное сопровождение семей. Принятие нового закона приведет к упразднению системы профессиональных служб по профилактике сиротства и устройства детей в семью на базе патронатных учреждений. А судьба ребенка, оставшегося без попечительства родителей, будет целиком в руках единого государственного органа – органа опеки и попечительства. Так как в Госдуме появился никем не обсужденный документ, мы настаиваем на проведении общественной экспертизы законопроекта.

Фото Александра ДОЛИНИНА

«Адвокат Хакасии» пришел в глубинку

Вот уже пятый год «Адвокат Хакасии» читают не только жители Абакана, Черногорска или Белого Яра, где свежий номер газеты регулярно появляется в киосках, но и обитатели «медвежьих углов», которые могут заглянуть в любимые страницы в сельской библиотеке.

– С мая 2003 года, когда вышел первый ее номер, по решению руководства Адвокатской палаты Республики Хакасия мы получаем более 200 экземпляров издания, которые передаем во все библиотеки, – рассказывает заведующая отделом Национальной библиотеки им. Н. Г. Доможакова Валентина Майорова. – Наши сотрудники используют «Адвокат Хакасии» при оформлении выставок, проведении бесед, дискуссий, «круглых столов».

А «держать руку на пульсе» журналисты могут благодаря совместным с адвокатами поездкам в сельскую глубинку. На этот раз президент Адвокатской палаты Михаил Дмитриенко и редактор газеты Владимир Ольховик приехали в село Бородино Богградского района. Трудно сказать, что должно войти в Книгу рекордов Гиннеса, то ли само издание, то ли деревня со звучным названием. Но то, что печатный орган Адвокатской палаты республики – единственное СМИ, которое поступает в этот забытый Богом уголок, совершенно точно. Понят-

но, в наше непростое время большинство людей не в состоянии подписаться на периодические печатные издания, в глубинке – особенно. Вот и решил Совет АП сделать землякам подарок.

Хакасское Бородино, в отличие от подмосковного, свое название получило по фамилии купца, поставившего там первые избышки почти два века назад, спустя столетие после освоения этих мест русскими. (В нынешнем году исполнится 300 лет добровольного присоединения Хакасии к России.) Долгое время село славилось своим племсовхозом, где разводили симментальских коров. Туристам хорошо известны бородинские пещеры, включенные в федеральные справочники.

Гостям из Абакана отрадно было узнать, что подшивка «Адвоката Хакасии», как и в других сельских библиотеках республики, есть в бородинской: сельчане знают эту газету. А заведующая библиотекой Галина Александровна Наумова организовала живое общение земляков с гостями – «главным» адвокатом региона и редактором издания.

Олег ВЛАДИМИРОВ,
спецкор «Российского адвоката»

Фото Юрия Кудряшова и Владимира Ольховика

На въезде в Бородино ●

У председателя Бородинского совета ветеранов А. Ауля и заведующей библиотекой Г. Наумовой есть вопросы к президенту АП Республики Хакасия М. Дмитриенко ▲

Почтальон Ирина доставит газету вовремя ◀

Юные артисты радуются свежему номеру газеты ▼

В читальном зале бородинской библиотеки ▲

Редактор «Адвоката Хакасии» Владимир Ольховик со своим помощником Денисом Курашом за подготовкой очередного номера ◀

У пенсионерки Нины Главоздиной обо всем свое мнение ▲

Газета пришла в поле ◀

ОТПРАВЛЯЙСЯ, КОНКУРЕНТ, НА НАРЫ

Суть рейдерства – создать такие условия, при которых владельцев предприятий вынуждают расстаться со своей собственностью. Иногда захватчики подкупают представителей правоохранительных органов, которые организуют проверки на оказавшемся в зоне внимания предприятии. Когда в рамках заведенного уголовного дела арестовывают и держат под стражей несговорчивого конкурента, уничтожается его бизнес. Если пособником рейдерства становится следственный механизм, у попавшего под его пресс остается последняя надежда на адвоката. Именно ему предстоит проверить на разрыв всю цепочку обвинений, найти в ней слабое звено и грамотно выстроить стратегию и тактику защиты в суде. Забегая вперед, скажем, московский адвокат Алексей Кирсанов (МКА «Инконсалт») эту, почти ювелирную, работу выполнил безупречно.

Вобычный рабочий день оренбургский бизнесмен Станислав Давиденко, учредивший фирму «Уралспецстрой» и ряд других компаний, находился в своем офисе. Неожиданно появившиеся на пороге люди в форме объявили: он обвиняется в преступлении по ст. 199 УК РФ за уклонение от уплаты налогов, представляет угрозу для окружающих и пытается скрыться от следствия. Жесткие фразы повергли предпринимателя в шок, и в ту же минуту на его руках зашелкнулись наручники.

Давиденко по наивности надеялся: следствие во всем разберется. Ведь задержали его, когда уже действовали изменения в ст. 149 Налогового кодекса РФ, отменившие налог на добавленную стоимость с операций, связанных со сбором, сортировкой и хранением черного металлолома. Давиденко полагал, что привлечь его к уголовной ответственности, после того как изменилось законодательство, не должны. Однако если налоговые нарушения все же выявлены в организации, то отвечать за них обязан не учредитель, а директор и главный бухгалтер. Но, как говорится, человек предполагает, а те, в чьих руках закон, располагают...

Находясь в СИЗО, Давиденко спрашивал у следователя, почему его держат за решеткой? Тот объяснял: раз он стоит у руля компании, то может влиять на сотрудников. Кроме того, бизнесмен прописан у родителей, но с женой и дочерью снимает квартиру. Выходит, путает следы. А последняя командировка его в Тюмень, куда он отлучался накануне ареста? Это ли не попытка скрыться при наличии загранпаспорта?

Вот такие «железные» аргументы и позволили упрясть «злоумышленника» под замок. Год и три месяца, пока Давиденко находился под стражей, следователи, словно пауки, ткали искусную паутину, ловко вплетая в сюжет уголовного дела массу нелепых аргументов. И наконец предъявили в суд пышный букет обвинений: помимо уклонения от уплаты налогов, Давиденко инкриминировали организацию преступной группы, а еще вымогательство и лжепредпринимательство. Поразительно, но даже серьезные экономические знания, полученные обвиняемым в трех престижных высших образовательных учреждениях страны, были поставлены ему в упрек. Подтекст таков: знай, мол, наших, пусть и «университетов не кончали»! Примеча-

тельная деталь: во время следствия у Давиденко сменились три местных адвоката, не отважившихся на судебном ринге продолжить поединок с обвинением. Так вышло, что держать удар в профессиональном состязании на оренбургском процессе пришлось адвокату из Москвы Алексею Кирсанову.

– Причина, по которой родилось это дело, банальная, – пояснил Алексей Юрьевич. – Два партнера до поры до времени мирно уживались в одной компании, но младший вдруг решил отделиться. Его знаний и энергии хватило, чтобы довольно скоро обогнать бывшего партнера. И, как нередко бывает, последовал незамедлительный ответ. Старший, досконально знающий все тонкости и подводные камни на рынке вторичного черного металла, без особого труда сумел привлечь внимание правоохранительных органов к молодому и удачливому конкуренту.

Для нейтрализации конкурентов – способов немало: от применения цивилизованных экономических рычагов до криминальных разборок. Кто-то борется самостоятельно, кто-то чужими руками. К сожалению, такими «чужими руками» нередко становятся те, что крепко держат Уголовный кодекс. И происходит это потому, что в современной жизни кардинально изменилось значение возбуждения уголовного дела – оно уже может уничтожить бизнес. В подтверждение сказанного об истинной причине случившегося с Давиденко адвокат Кирсанов привел несколько неопровержимых фактов.

– Дело за уклонение от уплаты налогов возбуждено не против бухгалтеров и директоров организаций, а учредителя, – констатировал Алексей Кирсанов. – Будучи единственными свидетелями обвинения, все они почему-то вскоре перешли работать к конкуренту. Никак не отреагировало следствие и на то, что именно эти «свидетели» подписывали и подавали липовые налоговые декларации, изготавливали сфальсифицированные счета-фактуры, а ключ электронно-цифровой подписи банка для проведения платежей был доступен только бухгалтерам.

Развивая свою мысль, адвокат Кирсанов коснулся эпизодов с вымогательством. Следствие использовало их, для того чтобы потерпевшие – бывшие руководители предприятий, в свое время про штрафованные за недостачу (они же «свидетели»), подали гражданские иски к Давиденко. И под предлогом их обеспечения было аре-

ствовано, а затем расхищено имущество 12 обособленных предприятий по сбору, сортировке и хранению металлолома, а также акции стоимостью 2,5 млн. рублей, принадлежавшие Давиденко. Пикантность этой ситуации заключалась в том, что акции арестовывались следствием без санкции суда, как раз накануне собрания акционеров. Следователь же не поленился приехать на него и объявить, что акции не могут участвовать в голосовании, а на следующий день он сам и снял арест. И наконец, анализируя документы, следствие столкнулось с идентичными операциями, проводимыми как компанией обвиняемого, так и компанией-конкурентом. Но в одном случае их признали противозаконными, а в другом – не нашли оснований для возбуждения уголовного дела. Именно интерес к имуществу Давиденко и стал краеугольным камнем во всей этой истории.

Если следствие идет напролом к намеченной цели, убежден адвокат Кирсанов, оно неизбежно допускает ошибки. Исходя из этого, он выстроил защиту по трем направлениям. Допрашивая свидетелей в судебном процессе, акцентировал внимание на их непосредственной роли в работе предприятия. В этом случае допрос проводился по одному из сценариев: либо они знали о допускаемых ими нарушениях, а вину свалили на обвиняемого, либо в силу своей должности и образования не понимали сути экономических операций, но подтвердили на допросе услышанное от самого следователя.

Самый сложный блок защиты был связан с процедурой выемки документов и финансово-экономической экспертизой. Чтобы в ходе судебного следствия эксперт дал ответы, которые бы пошли на пользу подзащитному, адвокату Кирсанову пришлось не только дотошно покопаться в бухгалтерии, но и чрезвычайно тонко сформулировать вопросы.

И наконец, адвокаты знают, что вопрос о недопустимости доказательств, как правило, решается на предварительном слушании. Но в данном деле Кирсанов, перекроив сценарий, рискнул поставить его в финал. Накопившиеся в ходе процесса противоречия в показаниях свидетелей, особенно при ответах на неудобные вопросы, спорность и неоднозначность экспертных заключений подготовили благодатную почву для допроса следователя. По сути, на этом допросе всё вертелось вокруг одного: почему он не установил то, что стало известно в судебном следствии? И уже на этом фоне защита перешла к допущенным процессуальным нарушениям, дав тем самым суду повод исключить спорные доказательства.

Что в итоге? Приговором суда С. Давиденко признан виновным по ч. 1 ст. 199 УК РФ за уклонение от уплаты налогов с организации и ч. 2 ст. 330 УК за самоуправство, но с учетом проведенных под стражей одного года и трех месяцев освобожден в зале суда. Можно ли это считать профессиональной победой адвоката Кирсанова? Безусловно, поскольку изначально следственные органы обвиняли С. Давиденко по девяти эпизодам, в том числе групповым преступлениям, что влечет за собой куда более суровое наказание. И только природная скупость адвоката вкупе с виртуозной тактикой защиты позволили повернуть судебное разбирательство в нужное

русло. К концу судебного процесса оппонирующая сторона была вынуждена отказаться от прежних обвинений по семи эпизодам, что и предредило освобождение из-под стражи подзащитного.

Участвуя в этом разбирательстве, адвокат, судя по всему, сделал максимум возможного, хотя вопрос о справедливости приговора все же спорный. Понятно, что вынести оправдательный вердикт в ситуации, когда человека 15 месяцев держали за решеткой, для нашего правосудия – это было бы уже слишком. Ведь за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, незаконное заключение под стражу и незаконные действия в отношении арестованного имущества пришлось бы привлекать самих сотрудников правоохранительной системы. Но подобное служителям Фемиды и в страшном сне не приснится, потому-то и выносят они вот такие, с позволения сказать, компромиссные приговоры, когда и волки сыты и овцы целы. И что самое неприятное – дирижер этого разноголосого судебно-следственного хора, как и жена Цезаря, остается вне подозрений.

Елена БАСКАКОВА,
спецкор «Российского адвоката»

P.S. Снимок сделан через несколько минут после оглашения приговора. За адвокатом (слева) и подзащитным еще не успела захлопнуться дверь районного суда. Это не фото на память. Это – свобода.

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

КАК «СКОРАЯ ПОМОЩЬ»

Суд наш не скор и несправедлив. Так однажды сказал мой друг-коллега. И правда, необходимы существенные коррективы в Гражданско-процессуальном кодексе и всей судебной практике. Для специалиста – это каторга. А для обычного человека – ад. И вряд ли что изменится здесь в обозримом будущем. Все последние 30 лет, пожалуй, только и слышим: идет судебная реформа. Но что это за реформа такая, если в большом и малом в действительности ничего не меняется.

Нитки, карандаши, бумагу и то на свои деньги в судах покупают. Секретари как получали копеечную зарплату, так и считают мелочь в кармане. Юридических техникумов для подготовки специалистов среднего звена для судов, о чем немало говорилось, тоже нет (работают в судах, как правило, вчерашние школьники, учась на ходу чему-нибудь и как-нибудь).

Роман КРУГЛОВ,
доктор юридических наук,
почетный адвокат России

Огрехов у таких работников, понятно, уйма: не отправят, к примеру, определение об аресте имущества – заботушки никакой. Не дадут адвокату ознакомиться с делом для оформления кассационной жалобы – тоже голова у горе-секретаря не болит. Не оформят в срок протокол судебного заседания – ну и пусть. Ничего им за это не будет. Снимут дело с кассации, вернут в первую инстанцию: протянется волокита

страшное – с жизнью проститься могут. Но никого, похоже, это не волнует. Никакой ответственности за подобные последствия никто не несет. Вот пример. С апреля 2005 по февраль 2007 года рассматривалось в судах дело о разводе супругов Н., а раздел их имущества идет до сих пор. За это время многое изменилось. Повзрослели несовершеннолет-

ние дети, умерли от болезней старики. Их права некому защитить. Поменялось и законодательство, один и тот же факт в начале пути квалифицировался как белое, а в конце – как черное. Зачастую в подобной ситуации побеждает алчность. Не справедливость торжествует, а естественный отбор. Все выходит по забытому классическому революционному формальному правилу: формально правильно, а по существу – издевательство. Люди успеют потерять деньги, имущество, что самое

не справедливость торжествует, а естественный отбор. Все выходит по забытому классическому революционному формальному правилу: формально правильно, а по существу – издевательство.

Так что же делать? Задаю себе этот вопрос не первый год. Ответ нахожу такой: давно пора избавиться от иллюзий. Вчитайтесь еще и еще раз в ГПК РФ и ГПК РСФСР, сравните их и увидите: они мало чем отличаются, по крайней мере, принцип волокиты в них один и тот же, а ответственность судей при этом меньше. Ушла и система контроля, которая в былые, ругаемые ныне времена все-таки существовала. Так что с надеждами на скорые и серьезные процессуальные изменения, похоже, следует расстаться.

Система сама себя не изменит, революций не выдержим мы. Однако надо понять (и это второй ответ), что изъяны в механизме государственного контроля и надзора следует исправлять незамедлительно. Разве это правильно, что суды годами рассматривают дела только в первой инстанции? В бывшем нашем государстве жалобы рассматривали и принимали решение органы партийного и народного контроля, депутатские комиссии, общественные организации, товарищеские суды, широчайшие полномочия имел прокурорский надзор, наряду с милицией действовали добровольные дружины, колоссальным влиянием обладала пресса. К тому же в каждом коллективе был свой «суд», любой руководитель мог привлекаться к ответственности первичными партийными организациями. Ряд функций государства по охране труда здоровья граждан выполняли профсоюзы. Ныне же все жалобы и заявления отнесены к компетенции судов. Мыслимо ли это? Когда в конце концов разгрузят суды? Будет ли президентский, правительственный, парламентский контроль? Создадут ли административные суды? Изменят ли структуру, порядок деятельности и уровень финансирования судов?

При ответе на эти и другие кричащие вопросы можно было бы в корне поменять ситуацию...

Мечтая о переменах, следует задаться и таким вопросом: как изменить самих людей? Достигнут ли они высокой правовой культуры в правосознании? Поймут ли, что каждый средний предприниматель и его семья должны иметь своего нотариуса и адвоката. Мои наблюдения показывают, нет в обществе такой традиции, нет даже желания подумать на эту тему. И мы, адвокаты, являемся чем-то вроде негласного подразделения МЧС, этаким адвокатурой катастроф. К нам обращаются в 99 случаях во время «пожара». Вот традиционная «повестка дня» приема:

1. Помогите отсудить квартиру. Завтра будет кассация.
2. Что можно сделать, чтобы супруг не получил 1/2 имущества? Он подал на развод.
3. Отмените решение суда о сносе дома. Завтра придут приставы...

И все в последний момент, а то и после происшедшего. Потому, считаю, через средства массовой информации необходимо настойчиво разъяснять, что нотариус в содружестве с адвокатом – это превентивное правосудие, своеобразная прививка от инфекции. Болезнь в тяжелой степени не излечивают, а лишь облегчают страдания больного. Так что в нашем случае лучше до суда, в «мирный» период, разделить имущество брачным контрактом, часть из него передать детям, задолго до смерти оформить завещание или договор ренты, до отъезда в длительную командировку оформить на члена семьи или близкого человека все виды доверенностей, с важнейших документов снять 3–4 нотариальные копии, обеспечить их бережное хранение... По большому счету, нужно формировать социальное ядро правосознательных граждан. Оно, уверен, может выполнить роль магнита или гаранта ситуации по искоренению правового нигилизма.

Нужно искать выход и в законе. Он есть. Существуют третейские суды. Практика показала, что решением третейского суда стороны, как правило, бывают удовлетворены в большей степени, чем суда обычного. Третейское решение, по сути, является мировым соглашением сторон. Оспаривают такие соглашения обычно редко, и то по незначительным основаниям. Именно в третейских судах грамотно, эффективно и быстро разрешается любой спор. Они позволяют избежать длительной и малоэффективной судебной процедуры, без волокиты и чванливого, бездушного отношения в судах обычных, ограждают от несправедливости, а в ряде случаев и неграмотных решений.

Внимательно изучите содержание Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации». Обратите внимание на главное – трактовку возможностей разрешения спора по конкретному делу. Для этого стороны должны заключить соглашение и избрать состав третейского суда по своему выбору, но в соответствии с законом. Дело будет рассмотрено в установленный сторонами срок (преимущественно в течение месяца, что невоз-

можно в районном суде или у мирового судьи). Закон предусматривает порядок оспаривания решения третейских судов в районном (городском) суде и порядок выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Соответствующий судебный акт выносится, как правило, также в течение месяца. После этого решение третейского суда можно предъявлять к исполнению в любой государственный орган.

Но вот тут-то и начинаются трудности. Третейские суды действуют недавно, практики еще не накоплено. Районные судьи, даже имеющие большой опыт, во многих случаях только руками разводят: им впервые приходится рассматривать заявления об оспаривании решений третейских судов. И это при том, что в ГПК РФ целых два раздела по данному вопросу.

Могу предложить гражданам инициировать третейские суды в целях профилактики конфликтов. Решением третейского суда можно установить трудовой стаж, реальные доходы, определить налоговые вычеты, распределить долговые обязательства, оставить в силе тот или иной договор, определить доли в наследстве, урегулировать спор о вексельных обязательствах, истребовать имущество из чужого незаконного владения, определить порядок пользования имуществом, доли в праве и в натуре, установить право собственности по основаниям приобретательской давности...

Зададимся вопросом: а не перейти ли всем нам к практике третейских судов? Полагаю, что все споры невозможно отнести к третейскому разбирательству. Причин на то много. Основная – сами стороны не всегда могут договориться о составе третейского суда. Они не всегда понимают природу и значение его. Никогда не согласятся на третейский суд государственные органы в спорах с гражданами. Что касается судов общей юрисдикции, то процедура оспаривания или разрешения вопроса о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда более проста, чем рассмотрение спора по существу, и во многом разгружает районный суд от вала исков. Представляется, что у федеральных судей есть основания видеть в третейском суде своего союзника и спасителя в ситуациях с трудноразрешимыми и затяжными спорами.

Повторюсь, в России опыт третейского разбирательства по конкретным спорам между физическими лицами практически отсутствует. Нужно изучить более солидную практику третейского суда, например, при Торгово-промышленной палате. Это постоянно действующие суды, с опытом в десятилетия. Третейский суд на сей день существует почти что в качестве мертвой нормы. И пора бы ее реанимировать. Для чего предлагаю провести совместное совещание адвокатской и нотариальной палат одного из субъектов Федерации. Разработать рекомендации о формах популяризации идеи третейских судов. Объявить эксперимент. Провести «круглый стол» в редакции «Российского адвоката», конференцию на базе Российской академии адвокатуры. Результаты всех названных мероприятий обобщить на федеральном уровне.

КРЕПКИЙ ОРЕШЕК

Не так чтобы давно, но и не вчера поссорились Никита Сергеевич и Юлий Соломонович... Да так крепко, что аж до судебной коллегии по гражданским делам Мосгорсуда дошло – это же вам не местечковые гоголевские Иван Иванович и Иван Никифорович, а Михалков и Гусман – масштабные фигуры всероссийского, может, и большего значения.

Первая кошка между г-ми Михалковым и Гусманом

пробежала, когда в кинематографическом мире полукулуарно стали обсуждать порядок присуждения премии «Ника». Не понравилось сие Никите Сергеевичу, и он в телесюжете по энтэвэшной программе «Намедни» загустил вторую, заявив, что «Юлий Соломонович продал бренд «Ники» за 1 запятая 5 миллионов долларов. Продано влияние на кинематограф, продан бизнес на кинематографе».

Юлий Соломонович посчитал утверждения Никиты Сергеевича не соответствующими действительности, унижающими честь, достоинство лично его и коллег по «цеху», подал иск в Пресненский районный суд столицы.

Интересы истца защищали Семен Ария и Альбина Краснокутская, ответчика – Анатолий Кучерена, ныне член Общественной палаты при Президенте РФ. Позицию Гусмана в суде поддерживали Эльдар Рязанов, Владимир Зельдин, Виктор Мережко. Фигуры все тоже не из рядовых.

Процесс растянулся на годы. Но долги дела, как говорится, да быстр сказ о них. Суд первой инстанции отказал Гусману и его защитникам в иске, объясняя телеповедение ответчика то как безмотивное, то как допустимое для творчески особо помеченного Никиты Сергеевича невинное фантазирование. Дескать, произнесенное им не преследовало конкретной цели кого-то оскорбить, унижить, а эмоции, они и есть эмоции.

Такое своеобразно-поощрительное, за рамками закона, отношение российского правосудия к именитым гражданам, считает Краснокутская, не в диковинку. Что означает, попытался я развить ее мысль, ни много ни мало избирательность свободы слова. Одни, чьи ФИО на слуху, отмеченные с рождения ли, по семейно-властному положению ли, могут высказывать собственное мнение, «эмоционируя» сколь угодно. Все иные, даже всего лишь чуть менее известные, коль уж первые высказались: цыц, нишени! Хотя закон и предполагает равную ответственность всех граждан России без исключения, в том числе и за гласно произнесенное. Независимо от места рождения, национальности, семейного и социального положения, родства с властью имущими и т. д. Это вполне в духе и практике демократии, между прочим.

Если жестко следовать букве закона, слова, обвиняющие кого-то в чем-то без серьезной аргументации, сродни прямой клевете. При том что попытки назвать клеветой чьи-то не совсем приятные оценки нашего поведения не всегда освящены законом, – всё зависит от соответствия поступков правовым нормам. Михалков, видимо, уверенный в непогрешимости личной позиции, участие в судебных заседаниях посчитал ниже собственного достоинства, передоверив это право представителям своим и НТВ. Уверен в себе был и Гусман.

После возвращения дела из Мосгорсуда Краснокутская попросила доверителя прийти и выступить в новом судебном заседании на Пресне. Тщательно готовилась сама (Ария к тому времени вышел из дела). Педантировала на объективность правосудия: «Надеюсь, что суд согласился бы с исковыми требованиями Гусмана, даже если бы Никита Сергеевич был генералиссимусом или президентом».

И судья Татьяна Печенина услышала истца и его защитника. А потом было решение: иск Гусмана удовлетворить по большей части претензий. Так что судьи, как и люди, разные бывают. Вот и на ежегодном совете коллег председатель Верховного суда России Вячеслав Лебедев заявил, что в минувшем году к дисциплинарной ответственности привлечены 373 судьи, 89 из них лишены полномочий за волокиту, недостойное поведение, хамство. Зашла речь даже об уголовной от-

ветственности за вынесение неправомерных решений.

Жаль лишь, что на этом большом судебном совете не прозвучала еще одна цифра – скольким безвинным те почти 400 служителей Фемиды действительно безмотивно поломали судьбы. Но кому, кроме самих пострадавших и их родственников, да еще адвокатов, интересна такая статистика? К тому же, в качестве оправдания, нередко срабатывает почти железный тезис: судьи тоже люди, могут и ошибаться.

Но могут в любых ситуациях оставаться и людьми иного пошиба – истинными вершителями Закона. Как химкинский судья Александр Сарычев, беспристрастностью и честностью которого Краснокутская и по сей день не перестает восхищаться. После переезда из Загорска он долгое время не имел квартиры. Ночевал на диване в рабочем кабинете, хотя ему не раз предлагались «варианты» обмена принципиальности на жилье для семьи. Сарычев честно, неподкупно делал свое дело, и за 20 лет не имел ни одного вето на свои решения.

Можно оставаться профессионалом и человеком с большой буквы, имея погоны на плечах и связанную с этим субординационную зависимость от позиции и воли старшего. В свое время довелось Краснокутской вместе со своим мужем (к сожалению, покойным), прекрасным профессионалом Владимиром Андреевичем Фомичевым, защищать военного коменданта Тирасполя полковника Михаила Бергмана. Кстати, еще и первого военного коменданта «радиационного» Чернобыльского гарнизона. Посвятив армии всю сознательную жизнь, за два месяца до законного увольнения в запас попал он «под росчерк» командующего Оперативной группой российских войск в Приднестровье генерал-лейтенанта Владимира Евневича, а потом и министра обороны на досрочное расставание с армией. Повод – невыполнение условий контракта: дескать, получил загранпаспорт в обход консульского отдела российского посольства в Молдове и без разрешения выезжал по нему вместе с женой в Тель-Авив, дал интервью иностранным корреспондентам опять же без начальственной визы, а четыре-пять лет назад вообще систематически превышал властные и служебные полномочия.

Краснокутская не любит детализировать, как они с мужем бомбардировали российские и молдавские инстанции запросами, ходатайствами, как искали непонятно почему вдруг исчезающих свидетелей. Это, дескать, рутинная методика и техника адвокатского «доследования». Но ни одно из обвинений не получило в суде документальных подтверждений. Особо интересно, что уголовное дело по фактам превышения Бергманом разных полномочий, оказывается, было прекращено еще за два года до неизвестно кому понадобившейся его реанимации «за недоказанностью участия (истца) в совершении противоправных действий». О тактике же поведения в суде Альбина Ивановна до сих пор рассказывает с придыханием:

– Честно говоря, я не люблю военные суды из-за пресловутой субординации, хотя насчет оформления дел там всегда все в полном ажуре. А тут заседание су-

да на территории воинской части. Комната небольшая, жарко в Тирасполе – дышать невозможно. В качестве свидетеля должны допросить Евневича. Сидим, ждем. И вдруг все забежали-забегали: несут вентиляторы. Я мужу и говорю: «Сегодня точно генерала будем допрашивать» (Евневич до того не появлялся в суде). И точно, генерал пришел, сел, эдак по-хозяйски вольготно откинулся на стуле. Доходит моя очередь выступать. Я встала, молчу. Время идет, судья Алексей Лымарь, полковник юстиции, не выдерживает:

Когда мы заговорили об этом, вроде бы совершенно не к месту мне вспомнилось красивейшее самоочищающееся озеро Арей в Забайкалье. Обычно ближе к осени оно вдруг вспучивается, будто вулкан взрывается. Внезапные волны несут к берегу то, что год, а может и больше, накапливалось там, внутри. Кто называет такие арейские дары «чудо-картошкой», кто, никак не называя, просто начинает прикладывать эту «картошку» к больным местам. Одни после процедур с болезнями расстаются, другие – нет. Но вера в чудодейственную силу Арея живет.

Не так ли и в развивающемся адвокатском сообществе? Одни, помогая подзащитным подняться с самого дна, печат их, другие же лишь обещают вылечить. За вполне определенную мзду, понятно...

Такие вот «псевдо» и не позволяют Краснокутской искренне желать, чтобы ее внучка, студентка юрфака, избрала профессию любимой бабушки. Хотя ее мать и отец (дочь Альбины Ивановны Елена и зять Юрий) – адвокаты.

– Сегодня в юриспруденции, в том числе и адвокатуре, – говорит Альбина Ивановна, – преуспевают не всегда те, для кого профессия стала образом жизни. Иные коллеги ради карьеры готовы идти на компромисс со всеми и вся, даже с собственной совестью. Им не страшно локтями пробивать себе дорогу, прослыть «несунами», мастерами многосторонних договорных отношений и т. д. Зная свою внучку, я прекрасно представляю, насколько она не приспособлена к такому пиару. И не хочу, чтобы жизнь заставила ее учиться этому. Важно не то, кем она будет, а важно, чтобы твердо усвоила: настоящий профессионализм рождается лишь там, где на полную мощь работает серое вещество, а не локти и гибкий позвоночник.

Валерий БОВА,
спецкор «Российского адвоката»
Фото Захара РОМАНОВА

С бывшим подзащитным Михаилом Бергманом ▲

– Товарищ адвокат, прошу вас.

– Ваша честь, вы меня извините, я человек штатский, не очень разбираюсь в субординации. Но здесь для меня вы – самый главный в этом деле, вне зависимости от того, кого допрашиваем. Поэтому прошу, чтобы гражданин Евневич давал объяснения, как и все свидетели, стоя.

И враз вспотевший, даже под дуновением вентиляторов, Евневич встал... Реакцию присутствующих Краснокутская описывать не стала. Лишь сказала, что обычно сдержанный Фомичев шептал ей: «Спокойно, спокойно...». Но успокоились оба лишь тогда, когда иск их подзащитного к Минобороны суд удовлетворил. Бергман выслужил положенный срок, обрел заслуженное право на все преимущества, льготы. Стал генералом.

Да, люди везде и всегда не более чем люди. Из них, то есть из нас, хороших-дурных, и состоит общество. И чтобы увидеть истинную картину его нравственного здоровья, а заодно состояние дел на его «срезах» – в том или ином корпоративном сообществе, надо чаще «смотреть в зеркало» вместе с коллегами. Ну почему за четыре года действия закона об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики более 500 человек лишились адвокатского статуса?

P.S. За полувековую адвокатскую биографию выработалась у Альбины Ивановны привычка к жесткому самоанализу. Это помогает обратить свойственное профессии стремление к самовыражению не столько в цель, сколько в средство взвешенной, хотя и порой на грани риска, защиты. Думаю, потому-то и получила она в прокурорской среде еще лет 20 назад почетное дополнение к профессиональным наградам в виде определения «крепкий орешек».

11 слагаемых успеха

ЗАО «Экспертная страховая оценка»

Профессиональная экспертиза – важный, а зачастую и главный инструмент, используемый адвокатом в гражданском, уголовном и арбитражном процессе.

Нина БЕКЛЕМИШЕВА
Генеральный директор
ЗАО «Экспертная страховая оценка»

1. 11 лет добросовестной и высококвалифицированной работы на рынке оценочных услуг. По итогам 2006 года в рейтинге РА «Эксперт» компания ЗАО «ЭСО» вошла в число 100 самых успешных оценочных компаний России.

2. В 11 регионах государственные и коммерческие структуры приглашают компанию для оценки имущественного комплекса.

3. Успех компании обеспечивают высококвалифицированные специалисты по определению всех видов стоимости (рыночной, восстановительной, инвестиционной, специальной):

- недвижимости и земельных участков;
- бизнеса (хозяйственных предприятий);
- производственного оборудования;
- нематериальных активов и интеллектуальной собственности;
- всех видов транспортных средств.

4. 11 лет специалисты компании выполняют работы по финансовому анализу предприятий, разработке бизнес-планов и инвестиционных проектов и их последующему сопровождению.

5. 11 лет ЗАО «ЭСО» оценивает авиационную технику, морские и речные суда.

6. 11 лет ЗАО «ЭСО» проводит оценочные и товарные экспертизы в целях определения стоимости и классификации товаров по ТНВЭД, в том числе для таможенных целей.

7. С 2000 года по настоящее время ЗАО «ЭСО» неоднократно выигрывала конкурсы на оценку имущества, проводимые различными федеральными и региональными государственными организациями: Министерством обороны РФ, Минимущества РФ, РФФИ и др.

8. С 2005 года ЗАО «ЭСО» выполняет работы по заказу Главного управления Федеральной службы судебных приставов по г. Москве.

9. В 2006 году ЗАО «ЭСО» утверждена в качестве уполномоченного оценщика для участия в работах по оценке рыночной стоимости бизнеса и активов концерна «Росэнергоатом», а также получило аккредитацию в ОАО «Российские коммунальные системы».

10. ЗАО «ЭСО» является членом МТПП, членом НП «Партнерство содействия деятельности оценочных фирм, аккредитованных Российским обществом оценщиков» и субъектом малого предпринимательства г.Москвы (Свидетельство №7701-153633 от 09.02.2005 г.).

11. В 2007 году ЗАО «ЭСО» признано конкурсной комиссией специализированного государственного учреждения при Правительстве РФ «Российский фонд федерального имущества» участником и допущено к участию в конкурсе на право заключения государственных контрактов на оказание услуг по оценке рыночной стоимости находящихся в федеральной собственности и подлежащих приватизации акций акционерных обществ.

ЗАО «ЭСО» имеет лицензию на осуществление оценочной деятельности
Минимущества РФ №000944 от 10.09.2001 г.,
лицензию ФССБ РФ №Б347177 от 10.01.2006 г.,
полис страхования профессиональной ответственности
ГСК «Югория» № 59-000014-09/06 на сумму 30 000 000 руб.

ЗАО «Экспертная Страховая Оценка»

Адрес: г. Москва, ул. Орджоникидзе, д.3, стр.5

Телефон: +7 (495) 540-49-63, 540-49-64

Факс: +7 (495) 787-39-18

E-mail: mail@esocom.ru

Web: www.esocom.ru

Post Box: 125080, Москва, а/я 7

КАК ВЫСЕЛЯЛИ СТАРИКОВ...

Когда вырубают на корню вишневый сад и заколачивают наспех проданный господский дом, новые хозяева забывают в нем верного, доброго Фирса... Это у литературного классика. «Классики» из управления Департамента жилищной политики и жилищного фонда города Москвы в Западном административном округе были «милосерднее»: они с помощью судебных приставов выселяли престарелых людей из домов, предназначенных под снос по воле нынешних хозяев жизни.

Подобная участь ждала и ветерана Великой Отечественной войны Надежду Дроздову. Случилось это как раз накануне «праздника со слезами на глазах». Праздника у некоторых московских ветеранов не получилось, слезы были... Да и чему было веселиться, когда пожилых заслуженных людей выжидали с нажитого места. Прямо-таки атаке подверглись собственники квартир по проспекту Вернадского: уже упомянутая Надежда Дроздова, Мария Романова, 96 лет, вдова участника Великой Отечественной, и Борис Романов, инвалид второй группы, получивший заболевание в период прохождения военной службы, Александра Полторацкая, ветеран труда, и Ольга Полторацкая, Юлия Малинина с семьей, в которой растет несовершеннолетний ребенок, пенсионерка Нина Редькина. И если бы не вмешательство адвоката Раисы Анпиловой, ситуация была бы куда как драматичнее.

Обратимся к фактам. В сентябре прошлого года вышло постановление префекта Западного административного округа г. Москвы «О переселении жителей из пятиэтажного дома 54 по проспекту Вернадского, подлежащего сносу». Документом предписывалось «заключить договоры краткосрочного найма с гражданами-собственниками... в срок до 30. 11. 2006 г.».

И уже в начале октября представитель Департамента жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы С. Н. Сергеева подала в Никулинский районный суд иск о выделении по поводу выселения Дроздовой Н. Н. из принадлежащей ей по праву собственности квартиры на предоставленную жилую площадь на Никулинской улице, потому как для получения документов заключения договора «ответчики не являются».

Но, замечает Раиса Анпилова, женщина-фронтовичка получила смотровой талон... 3 ноября. Для чиновников из департамента, похоже, это не имело никакого значения. Они ведь, должно быть, понимали, что Надежда Николаевна вряд ли пожелает переехать в строящийся район, где нет поблизости привычных метро, аптеки, магазинов... Она и впрямь отказалась от отдельной двухкомнатной квартиры на улице Никулинской. Как же могла 85-летняя женщина, имеющая вторую группу инвалидности, согласиться на предлага-

емый ей... тринадцатый этаж новостройки! К тому же на Никулинской улице, «в чистом поле, на окраине».

Выселение фронтовички, которая обратилась к адвокату Анпиловой, напоминало показательную акцию, демонстрацию силы. В 18 лет Надежда Дроздова ушла на войну, тремя орденами награждена, десятками медалей – всё не в счет. И то, что прикована к постели, что одинокой осталась, чиновников не волновало.

Не указ им было и обещание мэра, что при реконструкции квартала жители, прожившие здесь более 40 лет, будут расселены в непосредственной близости (есть такой дом рядом – по улице Удальцова, 17). Издевательством можно назвать заявление представителей департамента, что в отличие от других выселяемых граждан ее лишат квартиры не в апреле, а после 9 мая: пусть отпразднует, мол, День Победы.

С Полторацкими поступили не так милостиво. Встретившись с их доверителем у адвоката, узнаю, как в отсутствие собственников жилья приставы, не имевшие, кстати, решения суда о вселении их в новую квартиру, о разрешении войти на территорию собственника, взломали дверь и начали выносить вещи, даже актов не составляя... Целый день 7 мая депутат муниципального собрания Елена Задорина и адвокат Раиса Анпилова воевали с приставами, пока к вечеру не восстановили справедливости. Заставили и вещи вернуть, и замок исправить.

С немощными Борисом Романовым и Марией Романовой поступили еще бесцеремоннее. По заявлению Бориса Михайловича, 25 апреля их насильно вместе с вещами перевезли в новую квартиру.

– Отправили нас на Никулинскую, – рассказывает Борис Михайлович, – чтобы мы скорее дожили свой век. Мать моя такого переезда не выдержала, на второй день умерла. А я, получается, ни квартиры в собственности, ни прописки теперь не имею, слишком хлопотное и тяжелое это для инвалида дело.

Надо еще сказать, что задолго до выселения у строптивых жильцов начали отключать свет, воду, тепло, хотя за все услуги они исправно платили (к слову, квартплата по новому месту жительства едва ли не в пять раз выше, что тоже конечно же не радует пенсионеров).

Председатель президиума Межрегиональной коллегии адвокатов Раиса Анпилогова считает эту историю вопиющей, полагая выселение ветеранов незаконным, а право частной собственности названных жильцов нарушенным.

– Квартиры, в которых живут мои подзащитные, – рассказывает она, – принадлежат им по праву частной собственности. Согласно Конституции, принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Правительство же Москвы на деле не предложило равноценного возмещения: ни выкупной цены, как это предусмотрено Жилищным кодексом, ни квартир с оформлением в собственность. Взамен отбираемых квартир новые оформляют не в собственность, а по договору краткосрочного найма. Люди от квартир по найму отказались. Тогда московское правительство предъявило иски о выселении их из собственного жилья.

Никулинский районный суд иски удовлетворил, полагая достаточным, что исковые требования заявлены на основании столичного Закона «Об обеспечении жилищных прав граждан при переселении и освобождении жилых помещений (жилых домов) в городе Москве № 21 от 31.05.2006 г.» Судебная коллегия по гражданским делам Мосгорсуда сочла, что благоустроенность и нахождение предоставленных квартир в черте города является равнозначной компенсацией. С моими доказательствами суд не посчитался. А между тем достаточно обратиться к статье 85 Жилищного кодекса РФ, в которой прописано, что выселить в связи со сносом дома можно только пользователя жилого помещения, то есть гражданина, занимающего жилое помещение на основании договора социального найма. В данном деле они являются собственниками жилой площади.

...Такая вот сложилась ситуация. «Произволом и нарушением прав человека» назвали ее пострадавшие: у собственников просто-напросто отняли квартиры. Старые и немощные люди согласиться с этим никак не могли. За свою нелегкую жизнь особого добра они не нажили, а тут и последнего лишают. Обратились с письмами к Президенту РФ, к прокурору города Москвы. Вдруг да и найдут понимание и помощь.

Александр ДОЛИНИН,
спецкор «Российского адвоката»

P.S. О ситуации на проспекте Вернадского сообщили мэру Москвы Ю. Лужкову. Он приостановил исполнение решений, принятых в отношении собственников. Распорядился создать согласительную комиссию. Пока материал готовился к печати, справедливость, как говорится, восторжествовала. Почти всем пенсионерам предоставили приемлемое жилье, рядом с их бывшим домом. Можно бы поставить точку в этой истории. Но, видимо, рано. Ветхие дома будут сноситься и впредь. Застрахованы ли люди от произвола чиновников в этом случае? Опыт адвоката Анпилоговой позволяет на это надеяться.

Рис. Софья Вестужевой

Присяжные или пристяжные?

Расформирована, если не сказать резче, разогнана очередная коллегия присяжных заседателей в процессе по громкому убийству. Третья по счету. Вышестоящую инстанцию снова не устроил оправдательный вердикт предполагаемому убийце. В принципе, решение присяжных вроде бы и в самом деле оказывалось за гранью элементарной логики. Им предстояло ответить на три вопроса: «Доказано, что потерпевший Николай А. убит ударом топора?», «Доказано, что совершил убийство его престарелый отец?», «Виновен ли подсудимый?». На первых два коллегия единогласно ответила: «Да, доказано». Категорически едины были присяжные и при оценке третьего вопроса: «Нет, не виновен».

Как это может быть – доказано и не виновен? А вот так. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что большой любитель спиртного Николай регулярно издевался над стариками-родителями: отнимал у них пенсию, приводил в дом пьяные компании, дебоширил, избивал отца. Поднял руку на мать, и тут уж фронтовик не выдержал, взял в руки топор... Когда адвокат Илья Филиппов рассказывал об этом, женщины в зале рыдали, мужчины тоже почему-то достали носовые платки. И только обвинитель оставался непроницаемо строгим, да судья старался смотреть в одну точку.

Но никто уже не имел права повлиять на присяжных заседателей, даже просто объяснить им, чтобы те не торопились с решением, всё тщательно обдумали, взвесили. А они уже всё и обдумали, и взвесили, и в итоге вынесли тот самый «нелогичный» вердикт, который позволял восьмидесятилетнему мужчине оставаться на свободе. Жаль, Владимир Денисович А. так и не узнал об этом – не выдержало сердце...

Мне показалось, что в решении присяжных соединились внешне, казалось бы, плохо совместимые в данном случае истина и справедливость. Да и вообще ведь не так часто удается провести на эмоциональном уровне действительно истинно-справедливую грань между правом человека на поступок и его душевным состоянием. Бывает это, когда в судебном процессе участвуют абсолютно не заинтересованные в его исходе присяжные заседатели, как их еще называют, люди с улицы.

Вряд ли есть необходимость в сотый раз подробно останавливаться на плюсах и минусах появления в нашем правовом обороте этого не совсем привычного для новой России института. Хотя введение его нравится не всем. Даже один из самых прогрессивных региональных руководителей, президент Ингушетии Марат Зязиков одно время считал, что появление при-

сяжных в судах на Северном Кавказе может позволить террористам избежать заслуженного наказания. Дескать, их можно запугать, ими можно манипулировать.

Учитывая горский менталитет, специфику взаимоотношений в регионе, да и не только это, доля истины в таких опасениях, конечно, есть. Однако время случайных и во многом потому послушных присяжных, благодарение Богу и закону, постепенно уходит. Нынешних уже не всегда удается «пристегнуть» к судье, как своего рода «кореннику», определяющему ход и исход процесса. И это несмотря на то что даже Верховный суд РФ в 3–4 раза чаще отменяет вынесенные присяжными оправдательные приговоры, чем обвинительные. Причины-поводы при этом выдвигаются самые разные.

Известный ростовский адвокат Леонид Гельфанд рассказывал, как это происходило с ним и одним из его подзащитных. В защитительной речи Леонид Аронович призвал присяжных проявить максимум внимания к подсудимому, сославшись при оценке доказательств на резонансное дело Андрея Чикатило. Как известно, к смертной казни тогда были приговорены и не имевшие отношения к тем серийным убийствам люди. С точки зрения высшей судебной инстанции, ссылка на этот конкретный эпизод, оказывается, еще не аргумент для защиты, а всего лишь нравственное умозаключение, которое к закону имеет лишь косвенное отношение. Что же имеет прямое, если вердикт присяжных вообще не нуждается в доказательствах? Да всего-навсего удобные для кого-то формальные соображения.

При подготовке публикации «Секретное оружие защиты» («РА», 2006, №5) мне довелось присутствовать на многих процессах, изучить немало «разваленных» адвокатами дел, в которых обвинение строилось, как в приснопамятные 30-е годы, на «пальчиках», явке с повинной и признании подсудимых. Картинка не для

Рис. Софьи Бесудновой

слабонервных, когда в судебном заседании с участием присяжных заседателей практически осужденный вдруг заявляет, что его допрашивали с применением силы. И живописует всё в деталях. Там, где всем действительно вершит право, а не имеющие своего собственного интереса носители его, малейшие сомнения в законности полученных показаний судом или не принимаются, или исключаются совсем. И одно лишь возможное заявление подсудимого о нарушении его прав можно считать своего рода гарантией, что следственные действия будут проведены без попрания закона.

Для нашего же адвоката не удивительно, если следователь взял показания его подзащитного как свидетеля, а через некоторое время вдруг выясняется, что тот проходит в деле уже как обвиняемый. Его элементарно «прицепили» к делу. Возмущает, но не удивляет и поведение председательствующего в суде, когда тот мало что прерывает подсудимого – просто запрещает ему говорить об издевательствах, принуждении к ложным показаниям. Дескать, это все относится к процессуальным моментам. В порядке исключения может назначить прокурорскую проверку.

И тут, бывает, начинается неожиданное... Вместо того чтобы согласно покивать головой, адвокат просит подзащитного продолжать заявлять об угрозах, избиениях сотрудниками правоохранительных органов. И правильно делает. Потому что в дальнейшем такое поведение подсудимого может определить всё. Ну что ему сделают: будут и дальше прерывать, в худшем случае удалят из зала суда. Но слово-то, как говорится, далеко не воробей: вылетит, не поймаешь. Присяжные его услышали, они могут сравнить сказанное с обвинительным заключением и сами, без подсказки, решить,

кому верить, а кому и нет. Тем более у нас так сложилось, что простые люди больше доверяют себе равным, чем представителям власти.

В связи с этим возникает «крамольная» мысль: может быть, как это сделали во Франции, и у нас ограничить права председательствующего в суде присяжных лишь обеспечением соблюдения процессуальных норм, резюмированием происходящего, напутственным словом? Лишив соперников проверенного оружия в виде судейского сочувствия-содействия, защита сможет с большей эффективностью использовать своё – систему аргументов, обнажающих слабости доказательной базы обвинения.

Вряд ли кому придется по вкусу такое посягательство на практически безбрежные права профессиональных судей, облагодетельствованных властью не только в плане материальном. Однако рано или поздно с этим придется смириться: день ото дня растет юридическое образование граждан, крепнет общественно-правовое самосознание в стране, значит, «взрослеет» и суд присяжных заседателей. Его бы только поддержать. Не инвестициями из карманов самых заинтересованных лиц, не попытками иных «пристегнуть» его главных действующих лиц к «коренникам» старой телеги правосудия, где, как известно, «закон, что дышло...». А надежно защитить от любого влияния извне, как это делается в странах, где суд давным-давно судит преступников, а не обеспечивает интереса неких лиц, которые по разным причинам оказались «при жожах».

Валерий РЯЗАНЦЕВ,
спецкор «Российского адвоката»

ДЕМИДОВСКИЙ ВАРИАНТ

За привычные рамки стандартных профессиональных образований в виде бюро, юрконсультации, коллегии адвокатское бюро «Демидов и партнеры» вышло в принципе давно. Как только Андрей Демидов и его партнеры-единомышленники поняли, что способны решать многопрофильные задачи юридического сопровождения в сфере новых для страны рыночных отношений. Вскоре востребованной оказалась и их способность участвовать в антирейдерской государственной политике.

Ну разве могли мы пройти мимо привлекательных характеристик адвокатского бюро «Демидов и партнеры», тем более что речь идет об уникальной структуре взаимодействия адвокатского образования и ряда профессиональных объединений с единой системой управления. Однако встретиться с его главой оказалось совсем даже непросто: дел у него больше, чем минут в сутках. Тем не менее нам все же удалось (при содействии начальника департамента экономической безопасности Бориса Ивановича Татаринцева – за что ему огромное спасибо!) втиснуть интервью в график обязательных дел Демидова.

– Насколько мне известно, Андрей Александрович, ваш путь в адвокатуру не был простым и ясным. Может, потому, что мечта – стать одновременно военным и юристом – выпадала из ряда обычных?

– Мечталось, как мечталось. Родился я в простой севастопольской семье с небольшим достатком. Так что после школы рассчитывать ни на «родительские взносы», ни на протекцию не приходилось. Единственное место, где можно было осуществить стремления, военно-юридический факультет Военного института в Москве. Но конкурс там в то время был свыше 30 человек на место. И я решил взять тайм-аут, обрести некоторые льготы, которые давала армейская служба, а уж потом, наверняка, штурмовать бастионы юриспруденции...

– Но учеба на юрфаке, потом адвокатура и мир бизнеса – понятия отнюдь не родственные...

– А это как посмотреть. Впрочем, шишки на первых порах мы набивали. Зато пришли к выводу: без добрых отношений, без стремления слышать и понимать друг друга невозможно создать по-настоящему сплоченную команду единомышленников. Слава богу, она сложилась. Да и в семье (у нас с женой Леной, моей музой и соратником, трое детей) без веры и взаимопонимания не обойтись.

– А первые шаги в практической деятельности... Какими они были у вас?

– То было время романтической влюбленности в будущее. Ощущение сопричастности к радикальным изменениям в России. У нас с партнером поначалу были на двоих одни часы и два галстука. Если мы ехали на встречу вместе, он был при часах, а я выбирал галстук. В такой вот непростой бытовой ситуации пришлось заниматься делом Центральной морской геоло-

го-геофизической экспедиции, причем на «чужой» территории. Тогда было неясно, в чьих интересах налоговая инспекция города Геленджика собралась обанкротить это государственное, градообразующее предприятие. «За державу обидно» стало, и мы выиграли все процессы, в том числе и последний, уже в Краснодаре. Предприятие осталось государственным, продолжает работать.

– Вы уже тогда думали о такой структуре из нескольких компаний с единой системой управления, позволяющей оказывать самый широкий спектр юридических услуг? Но по тому времени такая идея не просто риск, а настоящий вызов времени. Звучит замысловато и привлекательно, но любое здание без фундамента...

– А разве закон не есть для адвоката лучший фундамент? Вот его буквой мы и аргументировали позицию клиентов и свою. Хотя знания в институте давались серьезные, жизнь быстро показала, что умение доказать – еще не значит убедить. «Пахали» сутками в поисках веских аргументов, добывали их, как мои далекие предки – руду для своих заводов. Где за счет знаний, где по наитию, а где и за счет уверенности шаг за шагом шли к первой победе. А потом появились и другие, не менее трудно доставшиеся: бизнес-то в России только-только поднимал голову, зарождались принципы и методики его юридической защиты, потом появились и практические наработки.

– Простите, ну а все-таки как произошел выбор этого пути?

– Когда в рамках привычного бюро тесновато стало, начали думать... А известно: кто ищет, тот и обрящет. Благо, поле для людей думающих в России огромное, есть где развернуться. Даже сейчас, спустя годы и годы политических, социальных потрясений-перемен, рыночные отношения у нас и на том же Западе далеко не копии. А тогда... Начав с «разруливания» рейдерских захватов, постепенно переходили к новым, более масштабным делам, стали сопровождать инвестиционные проекты, осваивать другие направления.

– В том числе, а это существенное отличие от родственных структур, вы установили партнерские отношения с крупными банками, инвесторами.

– Вот именно, не клиентские, а партнерские отношения. Возникла потребность в специалистах в области аудита, консалтинга, менеджмента, антикризисного

управления – создали новые структуры. Сегодня собственно адвокатское бюро включает департаменты: международного, гражданского, банковского законодательства, инвестирования, экономической безопасности и др. В сфере наших интересов финансовое, банковское, налоговое право, земельные отношения, консалтинг, аудит, сделки с недвижимостью... Легче, пожалуй, назвать юридические области, в которых мне и моим коллегам не приходилось бы вести гражданские, арбитражные процессы. Да и уголовные тоже. Вот и судите: наша структура создавалась только ради солидности или же во благо граждан, бизнеса.

– **Всё это приносит немалые дивиденды как в собственно моральном, так и материальном плане. Наверняка же сталкиваетесь не с одними лишь добрыми эмоциями коллег, особенно из конкурирующих фирм.**

– Эмоции хороши в судебном процессе, да и то лишь когда защита уверена, что они не навредят доверителю. Ничего личного. Специализироваться в финансовом, банковском, налоговом праве желающих не так уж много. Известно ведь: если хочешь много заработать, обеспечь массовое потребление своих услуг. В юридической практике это, как правило, области уголовного, гражданского права. Финансы, инвестиции, налоги, управление бизнесом – дело не публичное.

– **Настолько, что в борьбе с незаконными слияниями и поглощениями уже и мощному государству понадобилась помощь адвокатов. Я имею в виду вашу программу противодействия банкротству госпредприятий... И как в ней совмещаются «трехгранные» интересы государства, бизнеса и адвокатуры?**

– Ее появление стало результатом серьезной аналитической работы нашей команды. В течение ряда лет мы анализировали состояние госпредприятий, в контексте преднамеренного банкротства. Почему такое возможно? Да хотя бы потому, что в федеральном бюджете до сих пор не предусмотрена статья расходов по покрытию долгов госпредприятий. Они вынуждены сами, кто как

может, выходить из кризисных ситуаций. У одних это кое-как получается, другие оказываются в такой долгой яме, из которой без помощи извне не выбраться.

– **И кто этот «извне»?**

– В том-то и дело, что услуги предлагаются разными структурами, а выбор, на самом деле, невелик. В итоге предприятие, даже оборонное, приказывает долго жить. Наша программа предлагает механизм взаимодействия в рамках закона между собственником (государством) и потенциальным инвестором, обеспечивает гарантии открытости, добросовестности во взаимоотношениях сторон. Это реальная возможность проводить с участием государства инвестиционную политику, которая способствовала бы сохранению и развитию перспективных государственных предприятий. Иначе говоря, вести приватизацию строго в рамки закона, активно содействуя последующему преобразованию перспективных госпредприятий в холдинги, корпорации в той или иной хозяйственной отрасли. Программа уже получила одобрение во всех необходимых институтах государственной власти, и мы приступили к ее реализации.

...Мощный, по сути, тоже холдинг из обыкновенного адвокатского бюро? Для Демидовых такие превращения не в диковинку, если припомнить, что фамилия эта, одна из самых известных на Руси, есть-пошла от древнего рода уральских кузнецов. Врожденным умом, сметкой да хваткой вышли они при Петре Первом в ряды крупнейших заводчиков, землевладельцев. За выдающиеся заслуги перед Россией императорским указом возведены в дворянский сан. С той поры, как говорится, «отныне и присно» все поколения Демидовых следуют негласному принципу: трудиться и жить во благо Отечества. Воистину деяния предков живут, продолжают в творениях потомков. Новых свершений вам, Демидов-нашенский, вкупе с соратниками!

Беседовал Валерий РЯЗАНЦЕВ,
спецкор «Российского адвоката»
Фото Захара РОМАНОВА

ЛЮДЯМ ВО БЛАГО

Уважаемая редакция!

Как известно, при многих федеральных министерствах, в том числе обороны, внутренних дел и даже при ФСБ, созданы общественные советы. Чем занимается Общественная палата РФ, мы уже знаем по ее делам. А каковы функции общественных советов при силовых структурах?

*Б. Черкесова,
председатель коллегии адвокатов Хасавюртовского района Республики Дагестан,
почетный адвокат России*

На заседании Совета ▶

Вы правы, уважаемая Биби Альбуриевна, и я могу засвидетельствовать: при ФСБ России создан и функционирует Общественный совет. Недавно мне довелось присутствовать на одном из его заседаний.

В составе Совета – известные ученые, заслуженные отставные военачальники, бизнесмены, деятели культуры, педагоги, банкиры, юристы, священнослужитель... В основном «команда» состоит из представителей мужского пола, но украшением этого коллектива является единственная женщина – Александра Васильевна Очирова, председатель Комиссии Общественной палаты РФ по вопросам социального развития.

– На Ваш взгляд, совет – это не дань моде? – поинтересовался я у присутствующего статс-секретаря – заместителя директора ФСБ, доктора юридических наук **Ю. С. Горбунова**.

– Дело не в моде, – ответил Юрий Сергеевич. – Ее в данной сфере еще нет. Общественный совет при ФСБ и создан недавно, и является единственным в своем роде. Гражданское общество, получившее в свои руки совершенно новые действенные инструменты в виде об-

щественных советов, приобретает возможность реально влиять на работу органов безопасности, с одной стороны, углубляя и развивая взаимодействие органов безопасности с общественностью, а с другой – осуществляя общественный контроль за их деятельностью. Хочу пожелать Совету успехов в этой непростой работе.

– А какой Вы видите свою роль? – обратился я к председателю Общественного совета, заместителю президента-председателя правления ОАО Банка ВТБ **В. Н. Титову**.

– Должность председателя предполагает особую ответственность за общий результат. Поэтому ключевой задачей вижу эффективную организацию деятельности всего Общественного совета и каждого его члена, чтобы вся наша работа была максимально результативной. Это особенно актуально именно сейчас, когда институты гражданского общества в России только формируются и необходимо встроить их деятельность в сложную систему отношений между властными структурами и российскими гражданами, гармонично объединив при этом общемировые демократические традиции и российскую специфику.

Совет обсудил и одобрил план работы на 2007 год, а также сформировал рабочие комиссии. Нужно сказать, что обсуждение повестки заседания продолжилось, даже когда члены Совета пошли выпить по чашке чая. Вот здесь-то эксклюзивно для «Российского адвоката» и поделились своими мыслями члены Общественной палаты Российской Федерации:

Андрей Пржездомский, исполнительный директор Российского фонда свободных выборов:

– Общественные советы как новая форма связи общества и власти должны стать не только защитниками интересов граждан, но и компетентными, авторитетными советчиками для структур управления, которые хорошо ориентируются в проблемах, стоящих перед тем или иным органом исполнительной власти, осознают трудности их реализации, понимают их беды и заботы. Именно в конструктивном и доброжелательном взаимодействии общественных советов с министерствами, службами и иными ведомствами, я усматриваю реальную перспективу этой совершенно новой формы гражданского контроля.

Спектр сотрудничества представителей общественности и чиновников может быть самым широким – от выработки законодательных предложений, направленных на совершенствование работы структур исполнительной власти, до проведения совместных мероприятий как публичного, так и чисто рабочего характера. Выезды на места, знакомство с реальной обстановкой в той или иной сфере деятельности государственного органа, работа с жалобами и обращениями граждан, выдвижение инициативных предложений по совершенствованию различных сторон функционирования федеральных органов исполнительной власти. Сама жизнь уже сейчас подсказывает приоритетные темы совместной работы: Для Общественного совета при ФСБ это – решение очень чувствительных для общества вопросов соотношения интересов национальной безопасности и соблюдения гражданских прав и свобод; комплексные меры противодействия коррупции, терроризму, экстремизму; правовая и социальная защита военнослужащих; вопросы престижа службы в органах безопасности.

Адвокат **Анатолий Кучерена**:

– Вопросы обеспечения национальной и государственной безопасности во многих государствах регулируются специальными законами. В свое время в Российской Федерации был принят закон «О безопасности», который к настоящему времени, естественно, устарел. Имеется также Концепция национальной безопасности РФ 1997 года в редакции Указа Президента РФ от 10.01.2000 г. № 24. Однако с тех пор в стране и мире произошли важнейшие события, в корне изменившие подходы к обеспечению как международной, так и внутренней безопасности.

На мой взгляд, необходимость разработки и принятия базового закона «О национальной безопасности РФ» в последнее время не только не уменьшилась, но и, напротив, возросла. В мире ускоряются процессы глобализации, так что внутренняя безопасность становится неотделимой от международной. При этом мир сталкивается с новыми вызовами, которые еще совсем недавно представляли интерес разве что для создателей политических «триллеров». Последние события в Пакистане, например, наглядно показали реальность угрозы прихода исламских экстремистов к власти в стране, обладающей ядерным оружием и к тому же находящейся в непростых отношениях с соседями. В самой России в последнее время отмечалась активизация различных экстремистских группировок, часть которых связана с международными центрами. Отмечается также рост межнациональной напряженности. В то же время попытки борьбы с экстремистскими проявлениями путем внесения «ужесточающих» поправок в действующее законодательство вызывают обеспокоенность в связи с возможными нарушениями прав и свобод человека.

Многие эксперты отмечают необходимость увязать концепцию обеспечения национальной безопасности со стратегией долгосрочного экономического развития.

В такой ситуации внесение тех или иных поправок в действующее законодательство не приближает нас к обретению действительно эффективной стратегии, направленной на отражение и предотвращение внутренних и внешних угроз. Мне представляется, что с учетом новых реалий нам необходимы новый базовый закон «О национальной безопасности РФ» и новая Стратегия национальной безопасности.

Итоги нашей беседы подвел председатель Совета **Василий Николаевич Титов:**

– Мы не собираемся вторгаться ни в сугубо профессиональные стороны важной и нужной для общества миссии ФСБ, ни в оперативно-распорядительную деятельность руководства Службы. Однако если того требует наша ключевая задача – обеспечение защиты прав и свобод граждан Российской Федерации при формировании и реализации государственной политики в области национальной безопасности – мы будем обращаться напрямую к руководству ФСБ, не избегая ни острых вопросов, ни «закрытых» тем.

Работа Общественного совета призвана обеспечить как можно большую открытость Федеральной службы безопасности для общества. Это необходимо и самой ФСБ. Уже первые обращения граждан России в Общест-

венный совет показывают, что в нашей стране сохраняется двойственное отношение к спецслужбам. С одной стороны, именно в ФСБ россияне видят действенный инструмент защиты от неправомерных действий чиновников, от организованной преступности, от проявлений экстремизма и насилия, от прочих угроз личной и общественной безопасности. С другой стороны, органы безопасности новой России, к сожалению, все еще воспринимаются массовым сознанием как наследники репрессивного механизма ВЧК–ОГПУ–НКВД. Деятельность Общественного совета призвана снять этот негативный ореол, до сих пор сохраняющийся вокруг ФСБ, а в ряде случаев – восстановить историческую справедливость в отношении отечественных спецслужб.

В. Титов поздравляет А. Кучерену с рождением сына ▲

При этом Общественный совет – это не пиар-отдел ФСБ и не декоративный орган, а самостоятельный и независимый инструмент налаживания эффективных коммуникаций между обществом и спецслужбами. Как свидетельствует опыт многих стран с развитыми демократическими традициями, без такого полноценного диалога между общественностью и силовыми ведомствами невозможна ни выработка комплексной государственной политики в сфере национальной безопасности, ни ее успешная реализация. Таким образом, миссия Общественного совета заключается в том, чтобы способствовать развитию России как открытой и разделяющей демократические ценности страны, которая заботится о национальной безопасности, не ограничивая при этом гражданских прав и свобод.

...Надеюсь, все, что задумали и внедряют в жизнь сообразившие здесь люди, пойдет на пользу нашим гражданам.

Ромен ЗВЯГЕЛЬСКИЙ,
спецкор «Российского адвоката»
Фото автора

Когда оправдались ожидания

Помню, как еще в десятом классе школы, сидя за партой на уроке обществоведения, я вдруг почувствовал в себе тягу к правовым знаниям. За неделю прочитал два, как мне тогда казалось, наиболее важных документа – Конституцию и Уголовный кодекс РФ. С этого все и началось!

Андрей ПОНАСЮК,
помощник адвоката
Московской городской
коллегии адвокатов

Незадолго до выпускных экзаменов открыл тогда еще совсем новый Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». Хотелось узнать, что же это такое – адвокатура, для чего она необходима и почему так важна? Ознакомившись с понятиями «адвокат» и «помощник адвоката», подумал, что в будущем это, возможно, неплохой вариант и поехал на занятия. В тот момент я даже и не догадывался,

что в глубине души все для себя уже решил...

Прошло пять лет, и вот я уже окончил Российскую академию адвокатуры и стал помощником в адвокатской конторе. Когда устраивался на работу, даже не знал, чем придется заниматься. Дела у адвокатов бывают разные, новоиспеченному юристу не всякое задание можно доверить. Но прошло немного времени, и мои наилучшие ожидания оправдались: появились серьезные и одновременно интересные проекты, а вместе с ними и уверенность в собственных возможностях.

В нашей конторе нет персонального закрепления, и мы, помощники, выполняем поручения любого из адвокатов. Мне кажется, что это правильное решение, поскольку работа всегда есть, и она равномерно распределяется между нами. А задания бывают разные: от простой поездки в суд для предъявления искового заявления до разработки правовой позиции, составления проектов договоров, заявлений и юридических заключений. Неизменным остается лишь одно: каждое дело – это всегда новые обстоятельства, размышления, идеи и переживания. Оттого и на работу идешь с удовольствием. Конечно, зачастую приходится сталкиваться с трудностями, особенно в первое время. Не скрою, в такие моменты особенно приятно встретить доброжелательную улыбку адвоката и получить от него столь необходимые наставления.

Подготовленные мной документы обязательно про-

веряются руководителем. Дальше – так называемая работа над ошибками, в результате в текст могут быть внесены изменения и дополнения. При этом мне предварительно объясняют обоснованность каждого исправления и, как правило, поручают подготовить итоговую версию документа самостоятельно. Высшее юридическое образование – еще полдела, не менее важно научиться применять полученные знания в реальной жизни. Способствует этому постоянное взаимодействие с адвокатом, возможность получить исчерпывающий и квалифицированный ответ на любой возникающий у тебя вопрос.

Думаю, ни один адвокат не возьмет к себе в помощники человека, если тот ему не симпатичен или не видит он в нем своего будущего преемника. Отношения адвоката с помощником также строятся на доверительной основе. Ведь именно адвокат в итоге отвечает за результаты труда своего помощника, а от деятельности адвоката напрямую зависят интересы его клиента. Понимание этого заставляет сосредоточиться и максимально серьезно подойти к выполнению любого задания, даже если, на первый взгляд, оно и не кажется сложным. Работа помощника неразрывно связана и с множеством забавных, вызывающих улыбку ситуаций, наличие которых продиктовано бесконечно ярким многообразием юридической практики. На память приходят мои первые звонки клиентам и посещение официальных инстанций.

Вопреки сложившемуся мнению, помощник – это вовсе не технический исполнитель работы, не требующей высокой квалификации и на выполнение которой у адвоката нет времени. Помощник – это прежде всего ученик. Тот, с кем адвокат намерен делиться накопленным опытом, подготавливая тем самым своего молодого коллегу к самостоятельной деятельности. Можно смело сказать, что адвокат для помощника не только работодатель, но и учитель, способствующий развитию практических навыков и юридической смекалки. У нас, в Московской городской коллегии, с этой целью проводятся специальные лекции. И регулярно, раз в две недели, ребята со всей Москвы собираются в здании президиума, чтобы получить рекомендации известных адвокатов и задать разнообразные вопросы. Продолжительность лекций не ограничена, а посещение свободное. Приятно, когда о тебе думают и желают тебе добра. Уверен, что именно на работе с будущей сменой и строится преемственность в адвокатуре, благодаря которой этот институт сохраняет свою самобытность.

Если человек сам выбрал профессию и получает от своего труда не только доход, но и удовольствие, то его можно назвать счастливым. Кто знает, чем бы я сейчас занимался и какие цели ставил бы перед собой, если бы тот школьный урок обществоведения прошел для меня впустую.

Наталья РОЧЕВА,

президент Адвокатской палаты Ненецкого автономного округа

И В ТУНДРЕ ЖИВУТ НЕ АНГЕЛЫ

Обитаем мы на самом северном краешке материка, как говорят аборигены, в богом забытых, нечистой силой обжитых местах. Об ангелах и излюбленных ими человеколюбивых ценностях в тундре если и слышали, то немногие отнеслись к услышанному серьезно. И так как в адвокатуре я не новичок, многое довелось повидать в разных по сути и форме процессах. Однако защищать человека, обвиняемого в угрозе убийством по отношению к коллегии профессиональных судей, до сих пор не приходилось.

Судебное заседание, на котором рассматривалось уголовное дело по обвинению Александра К. по части 1 статьи 105 УК РФ, шло своим чередом. Но при оглашении приговора подсудимый вдруг повел себя вызывающе, прервал председательствующего репликой:

– Вы что, на пожизненное мне тянете?

Получив замечание, не успокоился. А на вопрос, понятен ли ему приговор (наказание в виде 8 лет и 7 месяцев лишения свободы), разразился бранью и угрозами:

– Отсижу, выйду, всех вас трех перестреляю. Накиньте еще пять лет, дольше проживете.

Все это внесено в протокол, подтверждается свидетелями. Да и сам К. при наших встречах не отрицал, что вел себя именно таким образом. И как тут выстраивать изначально шаткую позицию защиты? Конечно, придется «давить» на эмоциональное состояние подсудимого, утверждавшего, что приговор неправоустроен, так как никого он не убивал. Ведь если предположить, что именно так оно и было, получится, за решетку были готовы отправить невинного человека, и тогда его реакция если не оправданна, то понятна. Но надо было найти и предъявить на очередном судебном заседании веские доказательства ошибочности предыдущих решений. А с этим все обстояло просто никак. Вот если бы имела защита хотя бы часть прав и возможностей следствия... Увы, как говорится, и ах.

Можно, конечно, поискать в деле почти обязательные процедурные и иные просчеты, шероховатости в работе следствия и акцентировать на них внимание суда. Еще затребовать документы, характеризующие личность подсудимого, на основании их попросить учесть влияние назначаемого наказания на его исправление.

«Ассортимент» защитных аргументов явно не тянул на то, чтобы можно было представить моего подсудимого если не ангелом, то хотя бы обыкновенным законопослушным гражданином. А если учесть, что с

мест работы и жительства К. пришли отрицательные характеристики, картина и вовсе получалась безрадостной. Нарушал трудовую дисциплину, злоупотреблял спиртным, неоднократно привлекался к административной ответственности за мелкое хулиганство и появление в общественных местах в нетрезвом состоянии, состоит на учете у нарколога с диагнозом «хронический алкоголизм».

Трудно биться головой о стенку. Особенно если ясно представляешь, что именно так и будет выглядеть твое поведение в суде. Мой эмоциональный экскурс в прошлое, ссылки на неблагоприятные отношения в семье К., влияние среды общения производили впечатление на суд, но как-то отстраненно от хода процесса. И даже то, что у моего подсудимого имела малолетняя дочь, не было признано смягчающим обстоятельством. По той причине, что в ходе судебного заседания установлено: ребенок не находится на иждивении подсудимого, воспитанием дочери он не занимается.

Единственное, чего удалось добиться, суд не усмотрел отягчающих вину моего подсудимого обстоятельств. Это несмотря на то что Александр в процессе просто игнорировал все мои доводы, угрозы и по непонятным причинам продолжал крайне грубо вести себя. Даже подтвердил, что после отбытия заключения все же намерен осуществить свою угрозу в адрес судей. «Учитывая все обстоятельства совершенного преступления, данные о личности подсудимого, его отношение к содеянному», суд пришел к выводу, что его исправление возможно только с изоляцией от общества. К. было назначено наказание по совокупности приговоров в виде лишения свободы на 9 лет с отбыванием в колонии строгого режима.

Понятно, что люди не ангелы. И в тундре, где запояная суровость, нелегкий быт требуют особенно внимательного отношения друг к другу, тоже живут и работают разные люди. Известно, что многие целыми

Адвокат Н. Рочева в судебном процессе ▲

семьями прошли не только тяжкую школу выживания в труднейших климатических, социальных условиях, но и побывали за решеткой. Однако и сложнейший этот контингент живет и действует в определенных, пусть не всегда официальных рамках. Например, неписанный кодекс эзковской чести выводит из зоны мести милиционеров, прокуроров, судей, адвокатов. «Западло» считается не только лишать жизни людей слухивых, но и угрожать им смертью.

Почему же К. позволил себе нарушить и такие неписанные, но известные всем гражданам, пытающимся жить за гранью закона, правила? Этот вопрос не дает мне покоя. По делу К. у меня нет претензий ни к прокуратуре (если только по мелочам), ни к суду. Что, кстати, бывает не так уж часто. Но коль скоро доверитель не помогает адвокату, а сознательно лишает его возможности обеспечить собственную защиту, тут уж, наверное, бессильны и сами ангелы с Большой земли...

ПрофБизнесСити

**СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ
БУХГАЛТЕРСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ
АДВОКАТСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ**

Москва, Бумажный проезд, д. 14
Тел.: 642 3246

«Адвокатуры нужно болеть»

Имея более чем 30-летний адвокатский стаж, Людмила Николаевна Вострикова все еще задается вопросом, где бы она достигла лучших показателей, в медицине или юриспруденции? Хотя ответить на этот вопрос, пожалуй, можно. Вот уже 10 лет, как она возглавляет адвокатскую контору в Ставропольском крае.

После окончания медицинского училища она работала в травматологическом отделении районной больницы, помогала и в операционной. Работа нравилась, очень хотелось стать врачом. Но, видимо, не судьба. Получив тройку на первом же экзамене в медицинской академии, она забрала документы – решила лучше подготовиться и попытаться счастья в следующем году. Но потом выяснилось, что это был последний набор на вечернее отделение. А учиться на дневном Людмила Николаевна не имела возможности: нужно было помогать маме растить младших брата и сестру-инвалида детства.

Казалось, мечта рушилась, как замки из песка. Но пришли на помощь друзья, работавшие в прокуратуре и уголовном розыске. Они сагитировали ее поступить на юрфак Краснодарского филиала Всесоюзного юридического заочного института (ныне МГЮА). Училась новоиспеченная студентка с удовольствием, ей все больше нравилась будущая специальность.

Параллельно Людмила работала в... медвытрезвителе при отделе внутренних дел. Так как основной поток «посетителей» приходился на вечернее время, днем она помогала коллегам оформлять бумаги, связанные с взысканием штрафов. И почти сразу подала документы в так называемый адвокатский резерв.

– В какой-то момент меня одолели мысли, что гонюсь за двумя зайцами, – вспоминает Людмила Николаевна. – Хотя, на мой взгляд, профессии врача и адвоката в каком-то смысле сродни друг другу. К одному приходят облегчить страдания физические, а к другому – обиженные несправедливостью. До сих пор, попадая в экстремальную ситуацию, стараюсь, если нужно, оказать и первую медицинскую помощь и оценить правомерные последствия.

После окончания ВЮЗИ ее направили на стажировку к адвокату. А он явно не желал возиться с ученицей. И тогда амбициозная девушка явилась на заседание президиума Ставропольской коллегии адвокатов и заявила: «Не буду проходить стажировку у этого дурака!». Старшие коллеги, шокированные бесцеремонностью поведения, а более того свертоткровенным заявлением, «переправили» ее к Людмиле Александровне Котовой. На протяжении полугода каждое утро Вострикова ездила теперь на работу в соседний город за 60 километров. Котова стала для нее настоящим учителем, терпеливо раскрывавшим главные секреты адвокатского мастерства – будь то взаимоотношения с клиентом или тактика выступлений в суде. Опытная наставница вселяла уверенность: мол, не боги горшки

обжигают, у тебя все получится! Уже через месяц Востриковой поручили вести первое дело – несовершеннолетний парень обвинялся в краже автомобиля.

– На мужа тогда легли основные домашние тяготы, – с теплотой говорит Людмила Николаевна. – Несколько суток подряд я сидела над материалами: вникала, сравнивала, анализировала... И пришла к выводу, что преступление, совершенное моим подзащитным, должно квалифицироваться совсем по другой статье.

Потом был суд. Чтобы не растеряться от волнения, Людмила заранее составила подробнейший план защитительной речи, она была уверена в своей правоте, оставалось убедить в этом суд... И убедила. Обвинение переквалифицировали с «кражи» на «угон». А это принципиально разные вещи и соответственно совсем другая мера наказания. То ли судью тронула дотошность адвоката, искренность и эмоциональность ее речи, то ли еще что, но парень получил наказание даже мягче, чем просила защитник. Удачно проведенное дело окрылило ее, именно тогда Людмила Николаевна про себя решила, что адвокатура и она просто созданы друг для друга.

Шли годы, количество успешно проведенных дел исчислялось сотнями. Жизненный опыт, накопленные знания помогали лучше ориентироваться в каждом новом деле, шире видеть проблему. И радость от очередной победы (не важно было – дело по назначению или за гонорар) с годами не становилась меньше. Она уже отлично знала, что за благополучием и внешним лоском адвокатской профессии – изматывающие очереди в СИЗО, бессонные ночи, вечный дефицит времени, даже для столь необходимого самообразования.

Людмила Вострикова вообще-то цивилист, но если видит, что попавший в беду человек ждет именно ее помощи, берется и за уголовные дела. И чем запутаннее дело, тем интереснее заниматься им. По словам Востриковой, безвыходных ситуаций не бывает вообще.

До сих пор она вспоминает тот давний процесс, когда 23-летнего М. обвинили в убийстве пожилой женщины, а его приятеля – в сокрытии этого преступления. Бабушку задушили ее собственной косынкой – рассчитывали завладеть крупной суммой, вырученной от продажи дома. Денег не обнаружили, и, заметая следы, бандиты подожгли дом. Краевой суд вынес М. смертный приговор, а его поделнику определил всего несколько лет условно с направлением на стройки народного хозяйства.

К адвокату приехали мать и жена главного обвиняемого. Слезно просили взяться за это дело. И она не смогла отказать. Сколько пришлось написать кассационных жалоб, ходатайств, собрать всевозможных документов, справок, показаний, теперь даже вспомнить сложно. И только благодаря привычке не пасовать перед трудностями, настойчивости, выверенной профессионализмом аргументации ей удалось добиться отмены приговора и направления дела на новое рассмотрение, при котором ему была определена мера наказания в виде 15 лет лишения свободы. Такому повороту событий удивилась даже прокуратура.

Прошло полтора десятка лет, и в дверь дома Людмилы Николаевны постучали.

– Вы меня помните? – спросил стоявший у порога мужчина. – Я тот человек, которому вы когда-то спасли жизнь. Пришел сказать спасибо.

Разве это не признание, не достойная награда за бессонные ночи, поиски выходов из тупиковых ситуаций? Не о размере гонорара, удовлетворении тщеславия тогда думалось, а верилось в торжество справедливости и законности. Она привыкла добиваться поставленной цели, тому же учит и молодых коллег – стажеров, помощников. По мнению Востриковой, нельзя просто работать адвокатом, адвокатурой нужно болеть. И в семье все знают, что именно так и живет сама Людмила Николаевна. Недаром же профессия юриста оказалась «заразной» для всей семьи. Старшая дочь Анжела – судья. Сначала поступила на факультет иностранных языков, но с третьего курса перевелась на юрфак. Младшая Инна – адвокат. Как и мама, окончила медицинский колледж, а параллельно и юридический факультет. Племянник и племянница тоже юристы. Руслан – успешный молодой адвокат. Лена – специалист мирового суда.

И даже вечером, после насыщенного трудового дня телефон Людмилы Николаевны не замолкает: звонят подзащитные, их родственники, потенциальные клиенты. Отключить телефон или не открывать дверь она не может: кому-то, даже среди ночи, может срочно потребоваться ее помощь.

Единственная отрада Людмилы Востриковой – нечастые вечерние посиделки в кругу большой и дружной семьи. В эти светлые минуты она отдыхает душой со своими близкими, с большим удовольствием общается с внуками. Кстати, Максим, Вадим и Настенька, когда вырастут, хотят стать «как бабушка». Словом, подрастает достойная смена.

Яна БОЧАРОВА,
спецкор «Российского адвоката»

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРОВ!

В июле-августе многие адвокаты отметили важные события в своей жизни и деятельности. Юбилеи отпраздновали:

85 лет со дня рождения – **Любарский Михаил Григорьевич**, ветеран Санкт-Петербургской коллегии адвокатов;

80 лет со дня рождения – **Рагимова Майя Васильевна**, ветеран Московской городской коллегии адвокатов; **Козоплянская Ираида Михайловна**, ветеран Московской областной коллегии адвокатов, **Цымбал Вячеслав Каленикович**, член коллегии адвокатов «Мосюрцентр»;

75 лет со дня рождения – **Боброва Юлия Ефимовна**, **Витюгов Арнольд Дмитриевич**, члены Московской городской коллегии адвокатов;

70 лет со дня рождения – **Бельдина Анастасия Алексеевна**, **Никитина Валентина Григорьевна**, члены Московской городской коллегии адвокатов; **Бузунов Владимир Иванович**, **Иванов Николай Ильич**, **Исаева Ольга Михайловна**, **Родионова Тамара Александровна**; члены Московской областной коллегии адвокатов; **Астапов Кузьма Гаврилович**, **Лебедев Мстислав Иванович**, члены Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва); **Логинов Альберт Алексеевич**, **Осовская Людмила Борисовна**, **Полозов Олег Евгеньевич**, **Семенова Пелагея Васильевна**, члены Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов;

60 лет со дня рождения – **Бородина Надежда Алексеевна**, **Воинова Ольга Борисовна**, **Диков Борис Федорович**, **Моисеева Галина Владимировна**, **Палев Рафаэль Семенович**, члены Московской городской коллегии адвокатов; **Заика Валентин Семенович**, **Ковалева Лидия Николаевна**, **Ландышев Владимир Семенович**, **Лебединский Георгий Михайлович**, члены Московской областной коллегии адвокатов; **Телятников Маргарита Григорьевна**, **Черняев Владимир Федорович**, члены Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва); **Аспандзия Валериан Тарашевич**, **Атласов Виталий Петрович**, **Баланев Леонид Александрович**, **Баранова Зоя Ивановна**, **Краснова Галина Григорьевна**, **Ласткин Александр Павлович**, **Мишанина Галина Викторовна**, **Петров Геннадий Петрович**, члены Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов; **Гращенкова Людмила Ефимовна**, член коллегии адвокатов «Мосюрцентр»;

50 лет со дня рождения – **Баласанова Эльвира Павловна**, **Лапутин Юрий Михайлович**, **Панова Татьяна Викторовна**, **Севостьянов Алексей Станиславович**, **Сучкова Нина Николаевна**, **Фейзрахманов Шамиль Аббаревич**, **Шутилин Юрий Николаевич**, члены Московской городской коллегии адвокатов; **Афони娜 Наталья Николаевна**, **Бахтияров Игорь Павлович**, **Гатц Нина Викторовна**, **Давыдова Ольга Александровна**, **Джаббарова Элеонора Ташпулатовна**, **Игнатенко Александр Иванович**, **Кочарян Владимир Арамович**, **Ларионов Владимир Юрьевич**, **Николаев Сергей Иванович**, **Подстяженок Николай Александрович**, **Саврасов Николай Николаевич**, **Серов Михаил Васильевич**, **Чуркин Александр Васильевич**, члены Московской областной коллегии адвокатов; **Волохов Сергей Николаевич**, **Воронина Лариса Витальевна**, **Небучинов Михаил Валерьевич**, **Романов Сергей Владимирович**, **Татевосова Мария Станиславовна**, члены Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов; **Васильев Сергей Павлович**, **Кирихина Ольга Васильевна**, **Мурашов Владимир Павлович**, **Олеско Ирина Константиновна**, **Паниткова Элла Вячеславовна**, члены Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва); **Мартынов Игорь Анатольевич**, **Федосков Владимир Петрович**, члены Московской межтерриториальной коллегии адвокатов.

Затерявшийся в брянском лесу

Не зря говорят: если человек талантлив, он талантлив во всем. Эти слова можно смело отнести и к Алексею Павловичу Галоганову. Он не только известный адвокат, авторитетный руководитель, но и замечательный поэт. Недавно вышел музыкальный диск с песнями на его стихи.

– Алексей Павлович, почти все произведения этого диска посвящены Брянщине. Чувствуете ли у вас трепетное отношение к тем местам. Почему?

– Брянщина для меня – это малая родина, где прошло детство и юность. Там я научился читать и писать, там обрел первых друзей, первую любовь.

Я не могу отнести себя к профессиональным поэтам. Стихи – это, скорее, хобби, состояние души. Писать начал еще в школьном возрасте, но особенно много стихов родилось в годы службы в армии и учебы на юридическом факультете.

– Что подвигло вас выбрать юридическую профессию?

– Так сложилось, что воспитывался я в детском доме. Пришлось столкнуться с несправедливостью, жестокостью, пережить обиды. Возможно, отсюда и желание стать юристом. Поэтому, когда пришла пора расстаться с детским домом, решил поехать в Воронеж, чтобы поступить там в университет на юридический факультет. Сдал экзамены на четыре и пять, но кто-то из «доброжелателей»-абитуриентов сказал, что недобор одного-двух баллов – залог провала. И я поверил. Не дождавшись результатов, забрал документы. Если бы я тогда знал, что по закону детдомовские принимаются вне конкурса. По дороге из Воронежа в Брянск написал такие строки:

*Летят уж осенние листья
И падают вниз с высоты.
И все же я стану юристом,
Не предав давнишней мечть.*

По ходатайству воспитателя из нашего детдома стал работать пионервожатым в школе. Потом служил на

Кавказе. К тому периоду относится большая часть моих стихов. Сильно тосковал по Брянщине, хотя и восхищался красотами Грузии. Печатался в местной и республиканской газетах, получая неплохие гонорары, по крайней мере, смог оплатить подготовительные курсы, чтобы поступить в МГУ.

– А почему остановились на адвокатуре?

– Вообще-то я больше тяготел к научной деятельности, собирался в аспирантуру, но обстоятельства распорядились иначе...

Моими наставниками в юридической профессии были Павел Андреевич Миронов и Мирон Семенович Мельниковский. Последний за более чем 50-летнюю адвокатскую деятельность «поставил на крыло» немало молодых адвокатов, в числе которых был и всеми уважаемый Михаил Гофштейн. Но главным наставником в моей жизни все же считаю старшего воспитателя нашего детского дома Вениамина Михайловича Зиновьева. Это человек с нелегкой судьбой: около 20 лет провел в лагерях, лишился ноги, но при этом прекрасно танцевал, вел даже кружок танцев. Своей добротой и любовью он наделял не только двух своих детей, но и еще нас, сирот. По сей день при первой возможности стараюсь навещать его. Дай Бог ему здоровья! В следующем году ему исполнится 90 лет. Не могу сказать, что в моих стихах есть личное посвящение кому-то конкретно, но образ Учителя так или иначе в них присутствует.

– Музыку к вашим стихам написал Александр Борода, он же исполнил и песни для двух ваших дисков. Как родился этот творческий союз?

– Саша – прекрасный бард. Мы познакомились совершенно случайно. Разговорились, выяснилось, что оба с Брянщины. Решили попробовать работать вместе. И вот готовим уже третий альбом.

– А адвокатская деятельность как-то отразилась в ваших стихах?

– Вообще-то на юридическую тему писал немало. На диске «Брянская глубинка» есть песня «Приговор», сюжет которой основан на реальных событиях. Моим подзащитным был тогда несовершеннолетний мальчик, обвиняемый в разбое. Я старался добиться для него условной меры наказания. Но, увы, суд приговорил его к трем годам лишения свободы. Это еще одна сломанная судьба... Все мои внутренние переживания того времени отражены в этой песне.

– Алексей Павлович, чем еще увлекаетесь?

– Я страстный футбольный и хоккейный болельщик. Но больше всего люблю проводить время на природе – собирать грибы, ягоды. Могу заблудиться в Москве, но не в лесу. В новом сборнике будет также много стихов, посвященных брянским лесам, малой родине – хутору Джуровка.

Беседовала Яна БОЧАРОВА,
спецкор «Российского адвоката»

И появились на холсте цветы

Всю жизнь она разрывалась между живописью и юриспруденцией. Рисовать начала еще в детстве, потому и пошла в художественную школу. Получив аттестат зрелости, собиралась поступать в знаменитую Строгановку. Но... в последний момент передумала и подалась в юридический.

Имя адвоката, кандидата юридических наук, проректора Российской академии адвокатуры С. Володиной хорошо известно в юридических кругах. Но не многие знают, что Светлана Игоревна не оставила занятий живописью, особенно любит рисовать цветы. Свое увлечение она передала дочери Аннушке.

Фото Захара РОМАНОВА

РЫБОЛОВНО-СПОРТИВНЫЙ КЛУБ
«ЗОЛОТОЙ САЗАН»

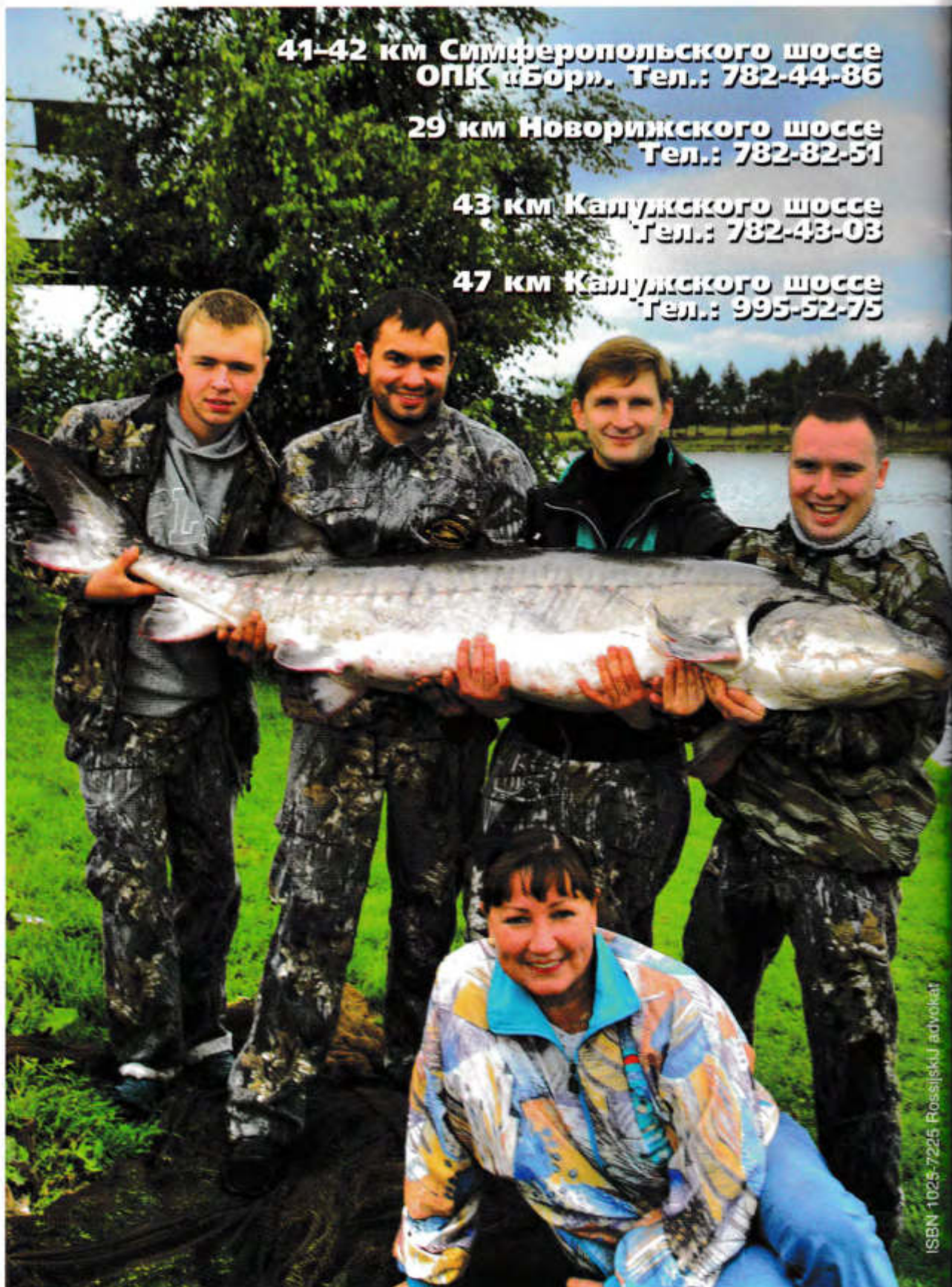
ЗОЛОТОЙ САЗАН

41-42 км Симферопольского шоссе
ОПК «Бор». Тел.: 782-44-86

29 км Новорижского шоссе
Тел.: 782-82-51

43 км Калужского шоссе
Тел.: 782-43-03

47 км Калужского шоссе
Тел.: 995-52-75

ISBN 1025-7225 Rossijskij advokat

WWW.GOLD-SAZAN.RU